С. В. БЕЗСОНОВЪ.

НАДЗОРЪ ЗА КНИГОЙ.

Опытъ систематизаціи матеріаловъ о цензурѣ въ допетровскую эпоху.

(Очеркъ по исторіи Русскаго права).

ИЗДАНІЕ ЮРИДИЧЕСКАГО КНИЖНАГО МАГАЗИНА
И. К. ГОЛУБЕВА, подъ фирмою „ПРАВОВѢДѢНІЕ“
КОММИССІОНЕРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФІИ.
Москва, Никольская, д. „Славянскаго Базара“.

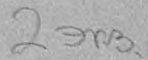
С. В. БЕЗСОНОВЪ.

НАДЗОРЪ ЗА КНИГОЙ.

Опытъ систематизаціи матеріаловъ о цензурѣ
въ допетровскую эпоху.

(Очеркъ по исторіи Русскаго права).

ИЗДАНІЕ ЮРИДИЧЕСКАГО КНИЖНАГО МАГАЗИНА
И. К. ГОЛУБЕВА, подъ фирмою „ПРАВОВѢДѢНІЕ"
КОММИССІОНЕРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФІИ.
Москва, Никольская, д. „Славянскаго Базара".

МОСКВА.
Типогр. Т-ва Рябушинскихъ, Страстн. бул., Путинк. пер., с. д.
1916.

ВВЕДЕНІЕ.

Слово, сначала устное, потомъ письменное и наконецъ печатное—всегда было, есть и будетъ важнымъ орудіемъ человѣческой дѣятельности, которое можно направлять на добро и на зло. И государственная власть, съ тѣхъ поръ какъ человѣческая жизнь приняла форму государственной, начинаетъ обращать вниманіе на это качество человѣческаго слова. Одной изъ мѣръ, которыми правительственная власть думаетъ предохранить общество отъ вреднаго вліянія печати (въ смыслѣ господствующихъ въ тотъ моментъ воззрѣній) и есть цензура, въ своемъ окончательномъ видѣ сформированная въ Европѣ въ 1471 году папой Сикстомъ IV.

Подъ цензурой, обыкновенно, разумѣется какъ то учрежденіе, которому поручается надзоръ за произведеніями печати, такъ и самый надзоръ (мѣры) за печатью, съ цѣлью предупрежденія распространенія вредныхъ, съ господствующей въ данное время въ правительственныхъ кругахъ точки зрѣнія, произведеній печати. Цензура, какъ мѣра борьбы, существуетъ двухъ родовъ: предварительная или запретительная, prohobitivsystem, и послѣдующая или карательная, repressivisystem. Предварительная цензура основана на предположеніи, что печать есть сила, и сила опасная, въ виду чего она и должна находиться подъ постоянной опекой правительства. Опека эта состоитъ въ томъ, что особо для того назначенныя лица, пользующіяся довѣріемъ власти, просматриваютъ всѣ долженствующія вытти въ обращеніе книги, и только, найдя ихъ безопасными для государства, разрѣшаютъ выпускъ. Изъ этого принципа: давать на выпускъ каждой книги особое разрѣшеніе- вытекаютъ два послѣдствія: 1) каждое недозволенное обнародованіе составляетъ уже само по себѣ проступокъ, преслѣдуемый государствомъ и 2) все дозволенное не нарушаетъ никакого права. Въ быту сословномъ, въ эпоху феодализма, цензуру вѣдали корпораціи (университеты), а въ періодъ абсолютизма, въ эпоху полицейскаго государства—особое цензурное вѣдомство.

Послѣдующая цензура состоитъ въ томъ, что всѣ дѣйствія прессы, воспрещенныя закономъ, подлежатъ судебно-уголовному взысканію уже послѣ выхода въ свѣтъ извѣстнаго произведенія, при чемъ самый выходъ не обусловливается никакимъ разрѣшеніемъ. Въ данномъ случаѣ сами редакторъ и издатель являются какъ бы своими цензорами, стараясь не подпадать подъ уголовное или административное преслѣдованіе. Средствомъ для осуществленія такого рода цензуры служитъ право воспрещать продажу вышедшей книги. Гарантіями же являются: выборка типографіями промысловыхъ свидѣтельствъ, представленіе залога, предостереженія и т. п.

Предварительная цензура является чрезвычайно стѣснительной для печати, задерживающей умственное и общественное развитіе народа. Въ силу этого, съ XVIII вѣка начинается проповѣдь свободы слова, и это ученіе, являясь въ настоящее время торжествующимъ, вліяетъ и на законодательства, которыя объявляютъ слово свободнымъ. Такъ, въ Англіи свобода печати относится къ 1662 г., и упрочивается 1853 г.; во Франціи къ 1874 г., а въ Россіи была объявлена 17 октября 1905 г., хотя до настоящаго времени свободы печати въ Россіи еще нѣтъ.

ДРЕВНЯЯ ПИСЬМЕННОСТЬ.

Періодъ времени нами разсматриваемый — время отъ зарожденія русскаго государства до начала XVIII вѣка. Конечно начало и конецъ опредѣленнаго періода нельзя сузить въ точныя рамки года, такъ какъ все то, что имѣло значеніе, вліяніе и силу въ предшествующемъ періодѣ, не могло потерять смысла и въ послѣдующемъ. Если же мы будемъ пріурочивать начало и конецъ каждаго періода къ опредѣленному моменту законодательной дѣятельности государства, то, во всякомъ случаѣ, періоды установить возможно, и въ основаніе этого дѣленія можно положить такія событія въ народной жизни, или такіе акты государственной власти, которые радикальнымъ образомъ измѣняли въ дальнѣйшемъ ходъ исторической жизни. Такъ, примѣнительно къ нашей задачѣ, такими моментами могутъ быть: начало книгопечатанія на Руси, появленіе гражданской печати при Петрѣ, изданіе цензурныхъ уставовъ и т. п.

Въ настоящій моментъ мы разсмотримъ цензурную дѣятельность государства до книгопечатанія. Начало цензуры на Руси мы относимъ къ началу книжности. Что же касается времени до появленія книжности въ полномъ смыслѣ этого слова, т.-е. до принятія Русью христіанства, мы, хотя и не имѣемъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній, но можемъ съ увѣренностью сказать, что власти того времени не могли обратить вниманія на вредъ, приносимый рукописью, потому, что: 1) государственная власть не была твердо устойчива, и 2) Руссы того времени были совершенно не развиты, мало образованы, почему рукописи среди нихъ почти не распространялись. Начало книжности, опредѣляя этимъ словомъ весь смыслъ тогдашней литературы, у насъ тѣсно связано съ принятіемъ христіанства; къ этому приблизительно времени нужно отнести и первыя заботы правительства о книгахъ, главнымъ образомъ о томъ, какія могутъ распространяться среди народа и какія нѣтъ.

Въ виду особеннаго характера, который носило образованіе и книжность той эпохи, мы позволимъ себѣ остановиться на этомъ вопросѣ нѣсколько подробнѣе.

Образованіе въ этомъ періодѣ находится исключительно въ рукахъ духовенства, а потому и книги, которыя распространяются, всѣ почти духоваго содержанія; книги историческія передаютъ событіе въ религіозномъ освѣщеніи; книгъ вполнѣ свѣтскихъ нѣтъ. Образованіе распространяется среди населеніи двумя путями: 1) чрезъ школы и 2) чрезъ книжное почитаніе (самообразованіе). Еще Владиміръ Святой начинаетъ устраивать школы съ цѣлью распространенія христіанства: «пославъ нача поймати у нарочитое чада дѣти, и даяти нача на ученье книжное; матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ» [1]). Сынъ его Ярославъ дѣлаетъ то же: «насѣя, книжными словесы сердца вѣрныхъ людей» [2]) или еще: «пріидите къ Новугороду собра отъ старостъ и поповыхъ дѣтей 300 учити книгамъ» [3]). У Татищева [4]) читаемъ тоже и о другихъ князьяхъ: Романѣ Ростиславичѣ Смоленскомъ, вел. кн. Всеволодѣ и др. Съ своей стороны епископы, заинтересованные въ распространеніи христіанства, заводили при своихъ каѳедрахъ школы, главнымъ образомъ для приготовленія духовенства къ прохожденію пастырскаго служенія. То же дѣлали монастыри и даже церкви (церковь Св. Михаила во Владимирѣ, напр.). Въ школахъ учили лишь читать да писать. Только въ XVI вѣкѣ кое-гдѣ начинаютъ проходить «книгу философскую», грамматику Іоанна Дамаскина. Но какъ бы князья и духовенство не заботились о распространеніи просвѣщенія, школъ было все таки немного, да тѣ, которыя были, давали лишь элементарныя знанія. Въ виду этого, на сцену выступаетъ другой способъ пріобрѣтенія знаній—самообразованіе, «почитаніе книжное» по тогдашнему. Этотъ способъ пріобрѣтенія знаній былъ весьма распространенъ и одобряемъ. Несторъ пишетъ ему панегирикъ [5]). Пастыри говорятъ цѣлыя поученія о почитаніи книжномъ, восхваляя его [6]).

Но какъ для школъ, такъ и для книжнаго почитанія, нужны были на славянскомъ языкѣ книги, и чѣмъ выше спросъ, тѣмъ больше. Начинаются переводы, переписка и собираніе книгъ:

---

[1]) Пол. Собр. Лѣт. 1 т. 56 стр.
[2]) П. С. Л. т. 1, стр. 65.
[3]) П. С. Л. т. 5, стр. 136.
[4]) Ист. Татищ. т. 3, стр. 239, т. 2, стр. 138.
[5]) П. С, Л. т. 1, стр. 65, 66.
[6]) Измарагдъ, Солов. библ. № 270—272.

1) про Владимира Святого въ Польской хроникѣ Стрыйковскаго читаемъ, что онъ «dot wszystkich przyżzecyonych synów swoich przynich kilkóset synów bojarskich prima greckiego i plahalskiego uczye prestoły wsi y nadnimi — diaki i młodsience cwielone» [1]), 2) Ярославъ «книгамъ прилежа, и почитая часто въ нощи и въ дне; и собра письцѣ многы, и прекладаше отъ Грекъ на Словенское письмо, и списаша книгы многы, иснiска» [2]) и еще: «любимъ бѣ книгамъ, многи написавъ, положи въ церкви Святой Софьи» [3]). 3) Лука Жидята занимался переводами и т. д. Переводятся для Руси книги и за границей: въ Византiи, Болгарiи, на Аѳонѣ и др. Греки переводятъ для Владимира «исповѣданiе вѣры» Мих. Синкела [4]). Ѳеодосiй посылаетъ въ Византiю къ Ефрему скопцу инока списать Студiйскiй Уставъ [5]). Царь Болгарскiй Симеонъ, «присла iереи учены и книги довольны» [6]). Многочисленныя рукописи съ Болгарскимъ и Сербскимъ правописанiемъ, сохранявшiяся донынѣ, прямо указываютъ намъ источникъ, снабжавшiй насъ книгами [7]).

Переведенныя книги переписывались и распространялись. Какъ при переводахъ, такъ и при перепискѣ, книги подвергались различнымъ измѣненiямъ. Изъ счисленiя книгъ древней переписки это видно часто очень ярко, напр. въ Остромировомъ Евангелiи (1057 г.) стоитъ въ молитвѣ Господней «отъ лукаваго», а въ Мстиславскомъ Евангелiи (1130 г.) стоитъ «отъ непрiязни» и др.

Существуетъ нѣсколько [весьма древнихъ мнѣнiй по поводу причины порчи книгъ. Однисчитаютъ, что причиною ошибокъ была трудность самаго дѣла, объясняемая отчасти новизной, отчасти не высокою степенью образованiя переводчиковъ и переписчиковъ. Максимъ Грекъ винитъ въ ошибкахъ «старыхъ» переводчиковъ. И это справедливо. Монахъ Афонскаго монастыря Исаiя—переводчикъ Дiонисiя Ареопагита, самъ признается въ предисловiи, что ему «случися навыкнути мало греческаго языка, толико елико мощи миразумѣти, и скупость того, и тяжесть прелаганiя отъ онаго въ нашъ языкъ» [8]). Понятно, что это былъ за переводъ. О переписчикахъ говоритъ Курбскiй: «книги—въ конецъ испорчены отъ

---

[1]) Kronika Polska т. 1, стр. 132.
[2]) П. С. Л. т. 1, стр. 65.
[3]) П. С. Л. т. 1, стр. 66.
[4]) Сухомлиновъ. Одр. рус. лит. Уч. З. Ак. Наук. отд. 3, кн. 3, стр. 65 и дал.
[5]) Жит. Ѳеодосiя. Уч. Зап. Ак. Наукъ. Отд. 2, выпускъ 3, стр. 148.
[6]) Татищ. т. 1, стр. 38.
[7]) Библ. Тр. Сер. Лавры.
[8]) Опис. рукоп. Румянц. музея 3, стр. 161.

переписующихъ» [1]). Но покуда на переписку книгъ смотрѣли какъ на дѣло богоугодное, занимались этимъ дѣломъ тщательно, писали «себѣ на спасеніе и всѣмъ крестьянамъ на утѣху» [2]), ошибки еще не очень умножились. Но такъ какъ при такой тщательной перепискѣ, книгъ не хватало и онѣ были очень дороги, то создался въ XIV вѣкѣ особый классъ писцовъ, которые смотрѣли на свое занятіе, какъ на промыселъ, и заботились не о спасеніи, а о томъ, какъ бы побольше написать. Такой дешевый писецъ, по собственному признанію, бывалъ «грубъ и невѣжа, писанія книжнаго добрѣ не научился» [3]), и понятно, что онъ допускалъ массу ошибокъ и описокъ. Съ этого испорченнаго уже списка переписывали безъ всякаго критическаго отношенія, слово въ слово, другіе, прибавляя свои описки: «опись къ описи пребывала», какъ говоритъ Стоглавъ и т. д. Это весьма распространенное мнѣніе о причинѣ порчи рукописныхъ книгъ находитъ подтвержденіе и въ книгахъ, изданныхъ при первыхъ патріархахъ: «Мнози древніе преводницы и преписущеи, или израниша, или смѣсиша, или въ чемъ погрѣшиша» [4]). Иногда бывало и такъ: переводчикъ ставилъ на поляхъ объясненія, а писецъ потомъ, не понимая въ чемъ дѣло, вносилъ это съ полей въ текстъ. Получалось повтореніе одной и той же фразы разными словами. Желая исправить, позднѣйшій переписчикъ выпускалъ нужное и оставлялъ лишнее. Такъ было напр. со словомъ «Господа» и «истиннаго», въ 8 членѣ Символа Вѣры [5]). Много способствовали порчѣ книгъ и иностранныя слова, попадавшіеся въ текстѣ. Ихъ замѣняли, толковали—и очень неудачно. Да и могли-ли правильно толковать люди, которые «Кустодію» считали «Пилатовой дѣвицей, ключницей» [6]). А замѣнъ и перемѣнъ словъ Свящ. писанія въ до-монгольскую эпоху не боялись, какъ боялись позднѣе; напр.: «Святославъ, державный владыка», говоритъ дьякъ Святослава: «возжелавъ сильнымъ желаніемъ открыть сокровенный смыслъ въ глубинѣ сихъ трудныхъ книгъ, повелѣлъ моей немудрости сдѣлать перемѣны въ рѣчахъ съ удержаніемъ того же смысла» [7]).

Существуютъ еще два мнѣнія, крайне тенденціозныя, относительно причинъ порчи книгъ. По одному изъ нихъ, въ порчѣ

---

[1]) Обозр. русск. др. лит. пр. Ф. 141 стр.
[2]) Калайдовичъ. Іоан. экз. Болг. стр. 32.
[3]) Опис. Рум. муз. 12 стр.
[4]) Послѣсловіе Минеи служебн. Опис. старопеч. кн. Толстого № 51 и друг.
[5]) Подробнѣе см. Опис. рук. Синод. библ. 1 стр. 249—261, 300 и т. д.
[6]) Опис. Рум. муз. стр. 717.
[7]) Изборникъ, Свят. Филарет., I т. Ист. рус. церкви, стр. 55.

книгъ виноваты еретики. Такъ арх. Новгородскій Геннадій, непримиримый врагъ всѣхъ инако мыслящихъ, въ своихъ посланіяхъ пишетъ: къ Іосифу, арх. Ростовскому: «нынѣшніе жидова..... псалмы Давыдовы или пророчества испревращали» [1]), Прохору, еп. Сарскому пишетъ, что онъ, Геннадій, послалъ митрополиту псалмы, которые «превращены на еретическіе обычаи» [2]). Не будучи достаточно образованы, не умѣя критически отнестись къ книгѣ, которая попадаетъ въ руки; преклоняясь предъ авторитетомъ книги, русскіе могли, конечно, пользоваться и еретическими твореніями, на что пастырямъ церкви, естественно приходилось обратить вниманіе.

По другому мнѣнію, само духовенство господствующей церкви виновно въ умышленномъ «прибытка ради» сокрытіи и порчѣ книгъ. Феодосій Косой говоритъ; «здѣсь въ монастыряхъ столповыя книги (ветхаго завѣта) лежатъ попрятаны и запечатаны и не даютъ ихъ читать, тая отъ людей, а столповыя книги слѣдуетъ читать» [3]). А Вассіанъ писалъ: «цари не знаютъ и не внимаютъ того, что многіе книжники изъ монаховъ, по дьявольскому умышленію, изъ св. божественныхъ книгъ и изъ житій святыхъ выключаютъ мѣста, а изъ книгъ преподанныхъ и св. отцевъ выкрадываютъ писанія, и на ихъ мѣсто въ тѣ же книги вносятъ лучшее, и выписываютъ полезное себѣ, свидѣтельствуя какъ будто это подлинно было святыхъ писаніе» [4]), а потому и считалъ Вассіанъ себя въ правѣ говорить: «и здѣшніе книги всѣ лживыя, правила здѣшнія кривила, а не правила». А когда Медоварцевъ замѣтилъ ему, что здѣшнія книги переведены съ гречсскихъ, которыя писаны отъ Св. Духа св. апостолами и отцами церкви, то Вассіанъ рѣзко отвѣчалъ: «отъ діавола писаны, а не отъ Св. Духа» [5]). Конечно и въ двухъ послѣднихъ мнѣніяхъ есть доля правды: еретики портили книги, и духовенство въ своихъ цѣляхъ не прочь было иногда исказить текстъ книги, но все же главная причина кроется въ невѣжествѣ, малообразованности переводчиковъ и переписчиковъ.

Духовенство не сразу обратило на ошибки въ книгахъ вниманіе; никакой особой организаціи, слѣдящей за правильностью переписки, какъ предъ выпускомъ въ обращеніе, такъ и послѣ

---

[1]) Прав. Обоз. 1862 г., іюнь, стр. 194.

[2]) Чтен. Моск. Общ. Ист. и др. 1859 г., кн. 3, стр. 6.

[3]) Истины показаніе. Прав. Соб.. сент. 208 стр.

[4]) Разсужд. о неприличіи монахамъ, владѣть вотчинами. Чтен. Общ. Ист. и др. 1859 г., кн. 3, стр. 6.

[5]) Чт. М. Общ. Ист. и др. 1847 г., кн. 7, стр. 11, 12.

выпуска, не было. Даже отдѣльнымъ-то лицамъ порученъ былъ надзоръ за переписчиками лишь въ позднѣйшее время. Опредѣленнаго официальнаго класса переписчиковъ, если не считать монаховъ, у насъ, какъ въ Западной Европѣ, никогда не было, Долгое время всякій могъ, если умѣлъ и желалъ, заняться перепиской книгъ, выпуская ихъ въ обращеніе, и не подвергаясь ни съ чьей стороны никакому контролю.

Фактъ порчи книгъ и сознаніе этого факта духовенствомъ, имѣлъ значеніе толчка, повода къ обращенію вниманія власти на книгу. Начинаютъ съ теченіемъ времени слѣдить за книгой: правильно-ли она написана или нѣтъ, отыскиваются виновники неправильной переписки издаются правила, ограничивающія частную переписку книгъ, лица переписывающія и распространяющія неправильныя книги преслѣдуются, т.-е. создается то, что мы называемъ цензурой. Въ періодъ времени, по крайней мѣрѣ до нашествія татаръ, главными цензурными мѣрами являются: произнесеніе духовенствомъ проповѣдей о книгахъ, выпускъ списковъ запрещенныхъ книгъ (Идексы) и, какъ мѣра случайная, отдѣльныя преслѣдованія книги и автора.

Кромѣ указанной нами причины—сознанія духовенствомъ испорченности переписчиками и переводчиками книгъ—поводомъ къ произнесенію проповѣдей о книгахъ и изданію индексовъ послужило распространеніе на Руси, такъ называемыхъ, апокрифовъ, родиной коихъ считается Болгарія. Легкость и художественность изложенія, подробности, которыхъ нельзя встрѣтить въ дозволенныхъ книгахъ—все это давало уму, а главнымъ образомъ чувству читателя, много пищи, и потому скоро апокрифы сдѣлались любимымъ чтеніемъ Россіянъ. Распространеніе подобныхъ книгъ въ связи съ порчей книгъ переписчиками и вызывало со стороны пастырей церкви вышеуказанныя мѣропріятія. Въ церквахъ начичнают говорить проповѣди «о почитаніи книжномъ», указывая, какая книга полезна и какая вредна. Въ этомъ отношеніи, изъ дошедшихъ до насъ поученій особенно интересны четыре, приписываемыя выдающимся отцамъ церкви: 1-е слово св. Григорія, папы римскаго, 2-е слово Павла апостола, истолковано Іоанномъ Златоустымъ и Василіемъ Великимъ, 3-е слово Іоанна Златоустаго «како не лѣнитися чести книги». и 4-е слово св. Ефрема, «како слушати книги» [1]). Общая мысль этихъ поученій та, что книга есть источникъ мудрости, но къ ней надо относится осторожно, опасаясь «дьвольскаго прельщенія». Въ молитвѣ, которую рекомен-

[1]) Измарагдъ. Опис. Словец. библ. № 270—272.

дуется произносить предъ началомъ чтенія, ясно проводится мысль, что читать должно только тѣ книги, которыя одобрены духовенствомъ и которые ведутъ ко спасенію [1]). Епископы разсылаютъ низшему духовенству особыя наставленія. Сохранилось, напр. «поученіе попамъ», приписываемое митроп. Кириллу II, гдѣ чтеніе апокрифовъ считается признакомъ еретичества «ложныхъ книгъ не почитайте, глаголющимъ не отъ божественныхъ писаній заграждайте уста» [2]).

Къ такого же рода мѣрамъ противодѣйствія распространенію вредныхъ книгъ надо отнести и индексы. Цѣль ихъ предостеречь читателя отъ употребленія ложныхъ книгъ. Перечисленіе истинныхъ и ложныхъ книгъ мы часто можемъ видѣть въ древнихъ литературныхъ памятникахъ. Заголовки индексовъ различны; то они именуются заповѣдями Св. Апостоловъ и Св. Отцовъ, то и чаще: 59-мъ правиломъ Лаодикійскаго собора. Въ изборникѣ Святослава индексъ называется: «Богословецъ отъ словецъ» и составляетъ переводъ книгъ, перечисленныхъ у Григорія Богослова. Тутъ же помѣщена статья Никона Черногорца, заимствованная изъ 13 гл. его Тактикона. Эта же статья помѣщена въ требникѣ митр. Кипріана XIV вѣка, во многихъ Кормчьихъ и церковныхъ уставахъ. Наиболѣе полная редакція индекса помѣщена въ такъ наз. «Кирилловой книгѣ» протопопа М. Рогова (1622 г.) подъ заглавіемъ: «о книгахъ истинныхъ и ложныхъ». Къ книгамъ, рекомендуемымъ для чтенія относятся: вся Библія, Паремейники (выдержки изъ книгъ Св. Писанія, пріуроченныя къ большимъ праздникамъ), Толковые Псалтыри и Евангелія; сочиненіе Св. отцовъ: (привожу болѣе употребительные въ тѣ времена) Діонисій Ареопагитъ, Іерофей Афинскій, Василій Парійскій, Василій Амасійскій, Ипполитъ папа Римскій, Сильвестръ папа Римскій, Василій Великій, Григорій Богословъ, Григорій Неокесарійскій, Іоаннъ Златоустъ, Маргаритъ, Златоструй, Андріатисъ, Іоаннъ Дамаскинъ, Іоаннъ экзархъ Болгарскій, Іоаннъ Лѣствичникъ, Григорій папа Римскій, Григорій Двоесловецъ, Кириллъ Іерусалимскій, Кириллъ Александрійскій, Спиридоній Тримифунскій, Златая чепь, Іоасафъ царевичъ, Ефремъ Сиринъ, Максимъ Грекъ, Даніилъ (паломникъ), Нилъ, Гранографъ, Палея, Бисеръ, Криница, Меѳодій Патарскій, Исаакъ Сиринъ, Пандектъ, Лимонисъ, Іисусъ Сираховъ, Словоположникъ, Законникъ, Стоглавъ, Іустинъ Философъ, Судебникъ Патерики (египетскій, Кіево-Печерскій), и др. «То суть преданныя

---

[1]) Прав. Соб. 1858 г., ч. 2, стр. 174 и дал.
[2]) Христ. чт. 1901 г., ч. 1, стр. 703—704, Барсовъ.

книги, ихъ же подабаетъ почитати...» Изъ приведенныхъ заглавій видно, что для чтенія рекомендуются, преимущественно, книги Свящ. Писанія и творенія Отцовъ и только немного книгъ историческаго и юридическаго характера, таковы: Палея, хранографы, позднѣе Стоглавъ, Судебникъ и др. Къ недостаткамъ индекса надо отнести: 1) трудность опредѣленія по нимъ, какія сочиненія какихъ отцовъ церкви одобряются; 2) туманное опредѣленіе самихъ авторовъ, напр.: «Никонъ», «Варлаамъ», а какой именно—неизвѣстно, 3) отсутствіе указанія имени автора, при указаніи на сочиненіе напр.: «Лимонисъ», «Златая чепь», а кто авторъ этого сочиненія не отмѣчено, и наконецъ, 4) встрѣчаются среди одобренныхъ книги, апокрифическій характеръ которыхъ несомнѣненъ, напр. «Іисусъ Сираховъ, Іоасафъ Царевичъ». Затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе ложныхъ книгъ. «Книги ложныя, ихъ же не подабаетъ чести и держати православнымъ христіанамъ, суть же сіи: составленіи мирстіи псалмы, еже есть сія. Грядите вси вѣрніи, а другое грядите и кресту твоему водружишуся на земли. Патріарси, Адамъ, Энохъ, Сифова молитва, Адамль завѣтъ, Моисеевъ завѣтъ» и др. Апокрифи: «Псальми Соломоновы, Исаино видѣніе, Варнавино посланіе, Вопросъ Іоанна Богослова, Хожденіе Петрово по вознесеніи Господни, что рыбы по суху ходили, прѣніе діаволе со Христомъ, окитоврасѣ». Ложныя сказанія о мученикахъ: Георгіево мученіе, Никитино мученіе, и т. под. Книги еретическія: «мартолой, рекше астрологъ, астрономія, землемѣріе, чаровникъ, книга громникъ, молніяникъ, мѣсяцъ окружится, мысленникъ, сносудецъ, волховникъ, воронограй, окомичъ» и др.: «путникъ книга, въ ней же есть писано о встрѣчахъ, коби всякія еретическія, и о часѣхъ добрыхъ и злыхъ... и о днехъ лукавыхъ; звѣздочетецъ, шестодневецъ...» и многія другія.

Что касается вопроса, имѣли-ли какойлибо успѣхъ эти мѣропріятія, то мы смѣло можемъ отвѣтить; нѣтъ. Уже одно то, что до насъ дошли въ не меньшемъ количествѣ списковъ запрещенныя книги, сравнительно съ дозволенными, говорить за то, что запрещенныя книги были въ большомъ ходу, на нихъ былъ большой спросъ. Да и самая неопредѣленность указаній индексовъ давала возможность поддѣлать запрещенную книгу подъ дозволенную. Достаточно было поставить, напр.: имя Іоанна Златоуста, какъ это и бывало часто, на запрещенной рукописи и она становилась легальной. Курбскій пишетъ: «противлюсь лжесловесникомъ, преобразующимся въ истовые учители, и пищутъ повѣсть сопротивъ Евангельскихъ словесъ, и имена своя скрывше, да не обличени будутъ и подписуютъ ихъ на святыхъ имена, да удобно ихъ

писаніе пріемлется простыми и ненаучеными» [1]). Не успѣху индексовъ много способствовало и то обстоятельство, что духовенство, получая индексы, не особенно ихъ распространяло среди населенія, такъ какъ само любило почитывать апокрифы. Тотъ же Курбскій пишетъ: «десятая часть книгъ учителей нашихъ древнихъ не переведено лѣнности ради и нерадѣніе властителей нашихъ, до нынѣшняго вѣку, мнящіися учители больше вь Болгарскіе басни, або паче въ бабскія бредни упражняются, прочитають, похваляють ихъ, нежели въ великихъ учителей разумѣхъ наслаждаются» [2]). Отсутствіе какой-либо санкціи въ индексахъ, угрозы наказанія за неисполненіе такъ же приводило къ тому, что индексы скоро забывались. Единственный индексъ, въ которомъ за чтеніе запрещенныхъ книгъ назначены наказанія, помѣщенъ въ книгѣ Калайдовича: «Іоаннъ экзархъ Болгарскій», но онъ довольно поздняго происхожденія. Книги, несмотря на индексы, свободно распространялись среди населенія и не подвергались никакой фактической цензурѣ. Добрая воля читающаго была не послѣдовать совѣту духовенства, рискуя въ этомъ случаѣ лишь спасеніемъ своей души.

Видя неуспѣшность проповѣдей и индексовъ, начинаютъ прибѣгать и къ другимъ, болѣе энергичнымъ мѣрамъ. Первое указаніе на репрессивныя мѣры мы находимъ въ Кормчей 1284 г., гдѣ читаемъ: «иже кто имѣть еретическое писаніе у себя держати, и волхванію его вѣровати, со всѣми еретики да будетъ проклятъ, а книги тѣ на темени ихъ сожещи» [3]). Мѣры эти всѣ носятъ случайный, скорѣе нравственный характеръ и находятся въ рукахъ у духовенства. Духовная власть, слѣдя за выходящими въ свѣтъ рукописями, предупреждаетъ читателей, на что надо обратить вниманіе и чего избѣгать, уничтожаетъ, по возможности, вредныя по ея соображеніямъ, книги, творитъ надъ виновными судъ, и только «расправу» исполненіе приговора—передаетъ свѣтской власти. Да это и понятно. Вѣдь у насъ выше духоваго авторитета ничего не признавалось, вѣдь самое просвѣщеніе носило церковный характеръ. И государственная власть считала, что и лучшимъ судьей въ томъ, какая книга соотвѣтствуетъ желаемому направленію, и какая нѣтъ, можетъ быть лишь духовная власть. А потому свѣтская власть не протестовала противъ присвоенія духовенствомъ цензурныхъ функцій. Кромѣ того, вначалѣ, власть еще не установила точно своихъ границъ, а позднѣе видѣла въ духовенствѣ сво-

---

[1]) Прав. Соб. Янв. 1858 г., стр. 87 и дал.
[2]) Курбскій, Опис. рук. Рум. муз. 242 стр.
[3]) Прав. Обозр. 1876 г., кн. 3, стр. 88—89.

ихъ союзниковъ, а не противниковъ, какъ это было на западѣ. У насъ церковь все время способствуетъ развитію и укрѣпленію существующаго строя, а не борется съ нимъ и не стремится добыть себѣ свѣтской власти. И церковная цензура у насъ, какъ правовой, правда не выясненый вполнѣ, институтъ, существуетъ съ согласія и даже по желанію государственной власти и касается, главнымъ образомъ, религіозной жизни лицъ, исповѣдующихъ православную религію, съ цѣлью устраненія и предупрежденія погрѣшеній ученію православному противныхъ.

Мы уже сказали, что цензура носитъ случайный характеръ. Нѣтъ систематическаго преслѣдованія, не издается общихъ нормъ, уставовъ, не создается особыхъ организацій, которыя бы исключительно занимались цензурованіемъ. Просто, донесутъ, напр. епископу о появившейся вредной книгѣ, начнется «розыскъ», весьма часто «съ пристрастіемъ», виновному предложатъ покаиться; если покаится—простятъ, а если нѣтъ—и книгу и автора сожгутъ. Пускай видящіе и слышащіе устрашаются и сами такъ не дѣлаютъ. И все замолкаетъ до новаго случая.

Позднѣе, вѣка съ XIV-го, когда начинаютъ сознавать, что книги испорчены, мѣры предпринимаемыя духовною властью противъ неугодныхъ ей книгъ, становятся сложнѣе. Такъ, начинается; 1) исправленіе рукописныхъ книгъ подъ присмотромъ и руководствомъ епископовъ или митрополитовъ, 2) недопущеніе къ распространенію переписанной книги прежде просмотра ея предъ выпускомъ, епископомъ, а иногда и цѣлымъ соборомъ и 3) уничтоженіе вредныхъ, уже обращающихся въ публикѣ, книгъ, съ наказаніемъ, если возможно, и автора.

Всѣ цензурные пріемы при исправленіи сводились къ предохраненію издаваемыхъ книгъ отъ описокъ и ошибокъ. Просвѣщенные пастыри церкви начинаютъ обращать вниманіе на множество ошибокъ въ книгахъ, на разнообразіе, которое усматривалось въ разныхъ храмахъ при отправленіи одного и того-же богослуженія. Это наводитъ епископовъ на дѣло книжнаго исправленія; такъ къ митрополиту Кіевскому Кипріану обращался (1390—1405 г.г.) игуменъ Афанасій съ вопросами, касающимися разностей, которые усмотрѣлъ онъ или при отправленіи богослуженія, или вообще въ христіанскомъ обиходѣ въ разныхъ мѣстностяхъ [1]). Онъ напр. спрашиваетъ: «како убо погрести священника и мирянина», бываетъ-ли постъ 29 августа, 14 сентября, въ день «Св. Прасковгеи», можно-ли двухъ или трехъ младенцевъ крестить въ одной

[1]) Акты Истор., т. 1, № 253.

купели, и, если можно, какого пола и т. д. На всѣ эти и подобные вопросы Кипріанъ даетъ отвѣты по крайнему своему разумѣнію и рекомендуетъ другимъ придерживаться его совѣтовъ. Очевидно, что разница въ практикѣ вызвана разницей въ книгахъ. Тотъ же Кипріанъ (1392—1395 г.г.) посылаетъ въ Псковъ церковный уставъ, говоря: «есми слышали, что нѣтъ у Васъ церковнаго правила праваго, то есмы списавъ, подовали имъ (вновь поставленнымъ священникамъ, съ которыми присылается книга) уставъ божественной службы... А чего будетъ нынѣ не поспѣли списати, что вамъ надобно, а то хочемъ излегка заставити писати, да и то у васъ же будетъ, а то, что списано и послано къ вамъ съ вашею братьею, то есть право, истинно» [1]). Изъ посланія видно, что у Кипріана былъ свой штатъ переписчиковъ, которые работаютъ подъ его руководствомъ. На Руси возникаетъ подобіе предварительной цензуры. Духовныя власти создаютъ цѣлыя организаціи переписчиковъ, сами исправляя, правда безъ всякой критики текста, безъ сличенія съ нѣсколькими списками, безъ провѣрки правильности прежняго перевода, труды переписчиковъ; стараются распространить именно эти, исправленныя книги, объявляя ихъ правыми, въ противоположность книгамъ, списаннымъ частными лицами безъ духовнаго просмотра, за истинность которыхъ поручиться нельзя, и которыя являются, такимъ образомъ, если не правыми, то во всякомъ случаѣ подозрительными. Лично самъ Кипріанъ переводитъ псалтырь [2]), замѣняя неясныя слова и выраженія. Онъ поучаетъ, какъ переписчики должны относиться къ своему дѣлу. Въ изданномъ имъ служебникѣ имѣется собственноручная его приписка: «аще кто восхощетъ сія книги переписывати, смотряй не приложити, или отложити едино нѣкое слово, или точку едину, или крючьки, иже суть надъ строками, ниже перемѣните слогію нѣкоторую» [3]). Пріемникъ Кипріана Фотій пишетъ Псковитянамъ три обличительныхъ посланія [4]), гдѣ между прочимъ говоритъ: «да прислали-бы есте ко мнѣ единаго отъ священникъ, человѣка искусна, и азъ научу его о всѣхъ церковнѣхъ правилѣхъ, и о пѣніи церковнѣмъ и о святыхъ службахъ... и что какъ будетъ потребно вамъ св. писаніе, и то все, списавъ, пошлю къ вамъ» (69 стр.). И у Фотія имѣются свои переписчики, а онъ самъ цензуруетъ ихъ труды. Митрополитъ Алексѣй, въ бытность свою въ Константино-

---

[1]) Акты Истор., т. 1, № 8.
[2]) Библ. Моск. Д. Ак.
[3]) Прав. Обозр. 1866 г., кн. 3, стр. 56. Мансвѣтовъ.
[4]) Акты Истор., т. 1, №№: 33, 34 и 35 (отъ 1427—1430 г.).

полѣ, пишетъ собственноручно Евангеліе (1358 г.). Оказывается, что его переводъ (хранится въ Чудовомъ монастырѣ) во многихъ мѣстахъ не сходенъ съ прежде бывшими; въ текстѣ встрѣчаемъ не только исправленіе ошибокъ писцовъ, но и новый переводъ съ греческаго языка; переводъ отличается близостью къ греческому тексту [1]). По волѣ епископа Филиппа I-го (1467—1473 г.г.) Федоръ, новокрещенный еврей, переводитъ съ еврейскаго псалтырь и книгу Есфирь. Но всѣ эти переводы и исправленія нельзя назвать удачными. Нилъ Курлятевъ, переводившій подъ руководствомъ Максима Грека, о переводахъ Кипріана и его пріемниковъ пишетъ: «прежне переводчицы нашего языка извѣстно не знали» (переводами занимались епископы — греки по національности) «и они перевели иногречески, и иносербски и другая болгарски, ихъ же не удовлишась преложити на русскій языкъ. А Кипріанъ митрополитъ по гречески гораздо не разумѣлъ и нашего языка довольно не зналъ же, и онъ мнился, что поправилъ псалмовъ по нашему, а больши неразуміе въ нихъ написалъ, и нынѣ многыя у насъ и въся время книгы пищутъ, а пишутъ отъ неразуміа все по сербски, а говорити по писму по нашему языку прямо не умѣютъ и многіа неразумныа смущаются» [2]). Стало быть невѣжество епископовъ-цензоровъ сводило ихъ надсмотръ къ нулю. Книги отъ этого надзора ничего не выигрывали, ошибки въ нихъ все умножались и въ результатѣ русскіе церковные обряды начали разниться отъ обрядовъ греческой церкви, и правъ былъ Максимъ Грекъ, который наши богослужебныя книги принялъ за писаніе какихъ-нибудь аріанъ, или др. еретиковъ.

Церковный историкъ митрополитъ Макарій [3]) пишетъ, что ко времени пріѣзда Максима Грека въ Россіи «списки нашихъ богослужебныхъ книгъ были несходны между собою, богослуженіе по нимъ совершалось въ нашихъ церквахъ не одинаково и разнообразно», такъ какъ «списки были наполнены погрѣшностями и ошибками, которыя при постоянномъ списываніи новыхъ и новыхъ экземпляровъ съ прежнихъ, уже поврежденныхъ, болѣе и болѣе умножались». Эти ошибки увѣковѣчены Максимомъ въ его апологіяхъ, напр.: «я учу всякаго человѣка право мудрствовать о воплощшемся Богѣ Словѣ, т. е. не глаголати Его единого точію человѣка, по вашимъ чосословцамъ»... «Взявъ въ руки священную книгу Тріодь, я нашелъ въ 9 пѣснѣ канона великаго четвертка—

---

[1]) Филаретъ, Ист. русск. церкви, т. 2, стр. 53.
[2]) Опис. рукоп. Царскаго № 327.
[3]) Ист. рус. церкви, Макарій, т. 8, стр. 87.

что несозданнаго естествомъ Сына и Слово пребезначальнаго Отца воспѣваютъ не существомъ не создана, и не стерпѣлъ такой хулы и исправилъ», и т. под. [1]). Вотъ когда стали особенно замѣтны дефекты нашихъ книгъ, чему способствовали: и сильное религіозное броженіе въ то время, какъ-то: ересь жидовствующихъ, для преній съ представителями которой требовались «правыя книги», и «извращеніе» еретиками книгъ и споры о монастырскихъ имѣніяхъ, тогда-то и понадобился ученый святогорецъ.

Вызовъ Максима послѣдовалъ въ 1515 г. 15-го марта этого года великій князь Василій Ивановичъ, посылая въ Аѳонъ съ милостыней Василія Копыля Спячаго, да Ивана Варавина, писалъ «проту» Аѳонской горы, чтобы онъ прислалъ съ ними въ Россію, «изъ Ватопета монастыря старца Савву, переводчика книжново, тѣмъ есте намъ послужили, а мы ожъ дастъ Богъ, его пожаловавъ, опять къ вамъ отпустимъ» [2]). Изъ просьбы видно, что на Руси не находилось своего ученаго, которому бы могли поручить дѣло исправленія. Но Савву послать оказалось невозможно, такъ какъ онъ былъ старецъ многолѣтній и немощенъ ногами, и вмѣсто него посылаютъ трехъ другихъ, среди которыхъ былъ и Максимъ. Его рекомендуютъ, какъ человѣка, получившаго большое образованіе, «искусный въ божественномъ писаніи», способный къ толкованію и переводу всякихъ и церковныхъ и «еллинскихъ» (языческихъ) книгъ. Правда, онъ «языка не вѣсть Русскаго, развѣ Греческаго и Латынскаго», но «надѣемся, яко и Русскому языку борзо навыкнетъ» [3]). Годъ рожденія Максима не извѣстенъ, приблизительно 1480-й, онъ грекъ изъ Арты (Албаніи). Учился за границей въ Италіи (Флоренціи и Венеціи). Курбскій думаетъ, что онъ былъ и въ Парижѣ, но изъ сочиненій самаго Максима видно, что тамъ, въ «Паризіи» онъ не былъ, такъ какъ разсказываетъ объ этомъ городѣ по слухамъ, «яко же слышахъ отъ нѣкихъ» [4]). Въ Италіи Максимъ слушалъ знаменитыхъ ученыхъ, увлекался Сарванароллой, усердно изучалъ греческую литературу, узналъ латинскій языкъ, занимался философіей, особенно Платономъ и Аристотелемъ. Нѣкоторое время увлекался астрологіей. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ цитируетъ поэтовъ: Гомера и Гезіода, философовъ: Пиѳагора, Сократа, Платона и Аристотеля, историковъ: Фукидита, Плутарха и другихъ.

Какъ только Максимъ прибылъ «на Москву» его сейчасъ же

[1]) Соч. Макс. 1 т. 28... III т. 62 стр.

[2]) Временникъ, Моск. Общ. Ист. № 5.

[3]) Акт. Ист., т. 1, № 122.

[4]) Макс. соч., т. 3, стр. 179—180.

посадили за переводъ псалтыри: «Господъ воздвиже твою державу», пишетъ онъ великому князю: «къ преложенiи толкованiй псалмовъ» [1]). Но такъ какъ Максимъ славянскаго языка не зналъ, то ему дали въ помощники Дмитрiя Герасимова и Власiя, знавшихъ латинскiй языкъ, а для переписки инока Сильвана и дьяка Михаила Медоварцева. Максимъ не только переводилъ псалтырь, но и объединялъ толкованiя на нее. Работа, судя по письму Герасимова, производилась такъ: «онъ (Максимъ) сказывалъ по-латынски (съ греческаго), а мы (съ Власiемъ) сказываемъ по-русски писаремъ, а въ ней (псалтыри) 24 толковника» [2]). При такой сложности работы, при непониманiи однимъ переводчикомъ другого, можно быть увѣреннымъ, что трудъ, несмотря на образованность Максима, не избѣжалъ ошибокъ. И Максимъ самъ сознаетъ это, прося, читающихъ извинить «аще нѣгдѣ нѣчто прѣзрено бысть или забвенiемъ, или нѣчто и не наказанiемъ», сознаетъ, что «настоящую книгу многу достойну сущу и искуснѣйша переводника во всякомъ художествѣ словесномъ получити» [3]). Годъ и пять мѣсяцевъ трудился Максимъ надъ переводомъ, и несмотря на нѣкоторыя недостатки, этотъ переводъ можно считать лучшимъ изъ бывшихъ на Руси. Онъ первый былъ обставленъ сознательными критическими прiемами. Прежде распространенiя, Великiй князь отдаетъ книгу для просмотра митрополиту Варлааму. «Спустя немного дней», говоритъ сказанiе о Максимѣ, «митрополитъ приходитъ въ царскiя палаты со всѣмъ соборомъ, въ сопровожденiи клирика, который несъ новопереведенную псалтирь; и всѣ одобряютъ ее, называя источникомъ благочестiя. Тогда Великiй князь съ радостью принялъ эту книгу и почтилъ потрудившагося не только великими похвалами, но и сугубою мздою» [4]).

Кромѣ псалтыри, Максимъ, по порученiю митрополита, переводитъ толкованiе неизвѣстнаго на послѣднiя главы Дѣянiй Апостольскихъ и кончаетъ это дѣло въ 1519 г., ранѣе псалтыри, которую оканчиваетъ въ 1520 г. Послѣ псалтыри ему поручаютъ переводить Трiодъ [5]), Часословъ, Минею праздничную, Апостолъ [6]), Метафрастово житiе Божiей Матери. Патрiархъ Iоакимъ въ книгѣ «Остенъ» говоритъ, что Максимъ перевелъ „цѣло и все совершенно (полностью) съ греческаго на славянскiй правила Апосто-

---

[1]) Предислов. къ Псалт. соч. Макс. Прав. Соб. 1861 г., 7 кн., стр. 299.
[2]) Твор. Св. отц. гл. 17, стр. 190.
[3]) Посланiе къ Вел. кн. при Псалтыри.
[4]) Тв. св. о., гл. 17, стр. 188, кн. 2.
[5]) Макс. соч. I т. 33, 37 стр.
[6]) Ист. рус. цер. Филаретъ, т. 3, стр. 112.

ловъ, вселенныхъ и мѣстныхъ соборовъ“ (Властарева синтагма законовъ) [1]. Да и самъ Максимъ пишетъ: «повеленіемъ Великаго Князя повинуяся не точію толкованіе псалтырное, дѣло нарочито, преведохъ, но и иныя Богодуховенныя книги различно растлѣнны отъ приписующихъ исправихъ» [2]. Въ виду того, что Максимъ такъ близко стоитъ къ оффиціальной цензурѣ, мы не можемъ не удѣлить немного вниманія и тѣмъ изъ его сочиненій, въ которыхъ онъ говоритъ о книжномъ исправленіи, о полезныхъ и вредныхъ книгахъ. Максимъ возстаетъ противъ апокрифовъ и пишетъ по этому вопросу нѣсколько обстоятельныхъ сочиненій, напр.: „слово обличительно вкупѣ и развратительно лживаго писанія Офродитіана“, „сказаніе Апполинарія объ Іудѣ“, „слово обличительное на альманаха“, „слово о томъ, яко промысломъ Божіимъ, а не звѣздами, и колесомъ счастія, вся человѣческая устроняются“ и др. Особенно же важны и интересны его указанія на то, какія познанія долженъ имѣть переводчикъ и переписчикъ книгъ (смотри его разсужденія: „о грамматикѣ“ и „о пользѣ грамматики“). За исправленіе должны браться лишь тѣ, которые „будутъ отъ сильныхъ въ разсужденіи греческаго гласа глубоко разумнаго, еще грамматичными художествами и риторскою силою вооружены будутъ довольно; не отъ себя сія, но отъ учителей искуснѣйшихъ стяжаша, аще извитія словесъ вѣдятъ, или правописаніе и соученіе, еже въ тѣхъ, еще же и образовъ разнествіе многоразличное и неудобь разсуждаема, къ симъ же всѣмъ глаголаній многознаменительное и различное“ [3]. Указывается даже способъ узнать человѣка, берущагося исправлять и переводить не по корыстнымъ соображеніямъ, а любящаго и знающаго свое дѣло. Для этого Максимъ написалъ 16 греческихъ стиховъ, героическаго и элегическаго размѣра, съ своимъ же переводомъ и наставленіемъ, гдѣ говоритъ: „многіе хвалятся вѣдати вся, корыствовати желающе и кормихатися...“, и „аще кто по моемъ умертвіи будетъ пришедъ къ Вамъ, иже аще возможетъ перевести Вамъ строкъ тѣхъ, по моему переводу, имите вѣру ему, добръ есть и искусенъ, аще ли же неумѣетъ совершенно превести... не имите вѣры, хотя тмами хвалится“. Потомъ спросите, о размѣрѣ стиховъ... не удерживайте у себя силою и т. п. Мы не ошибемся, если скажемъ, что вообще всѣ сочиненія Максима были направлены на искорененіе и обличеніе ложныхъ, съ точки зрѣнія Греко-Россійской церкви, книгъ.

---

[1]) Словарь дух. пис. Евгеній, т. 2, стр. 401.
[2]) Исповѣд. вѣры. Прав. Соб. 2 и 3 кн. 1859 г.
[3]) Посл. кн. Вас. Ив. Прав. Соб. 1861 г. 8 кн., стр. 314.

Изъ разсмотрѣнной нами исторіи перевода и исправленія Максимомъ книгъ, мы видимъ, что въ это время возникаетъ особый видъ, такъ сказать, высшей инстанціи предварительной цензуры. Помимо исправленія книгъ особымъ лицомъ, въ данномъ случаѣ Максимомъ, что было и до него, теперь является вторая инстанція, которая провѣряетъ уже самого исправителя, контролируетъ его. И нельзя сказать, чтобы это было сдѣлано только для Максима, въ виду его не русскаго происхожденія, а слѣдовательно, въ виду недовѣрія къ нему, какъ къ иностранцу, недовѣрія такъ развитаго среди нашихъ предковъ. Позднѣе мы не разъ будемъ встрѣчать, какъ работы, производимыя лицами русскаго происхожденія, просматриваются въ этой высшей инстанціи. Я говорю о митрополитѣ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, которому Великій Князь передаетъ для разсмотрѣнія трудъ Максима. И признаніе соборомъ іерарховъ работы удовлетворительной — имѣетъ рѣшающее для выпуска книги въ обращеніе значеніе. Только послѣ этого признанія книгу стали распространять. Съ этого времени цензуру „исправленія" ведутъ особые справщики, какъ самостоятельное учрежденіе, но надъ ними всегда существуетъ контроль въ лицѣ митрополита съ освященнымъ соборомъ, которые просматриваютъ книгу съ точки зрѣнія православности ея: нѣтъ ли въ книгѣ какой-либо ереси. И если ереси не находится, книга допускается къ обращенію.

Ко времени, и даже къ лицу Максима, мы можемъ пріурочить появленіе у насъ и подобія цензуры послѣдующей, карательной. Правда мы нѣсколько раньше указывали на Кормчую, въ которой предписывалось сожигать на темени ихъ хозяина волшебныя книги, но это предписаніе, несомнѣнно, византійскаго происхожденія. Свѣдѣній о томъ, примѣнялось ли это предписаніе, я нигдѣ въ источникахъ не нашелъ. Собственно русская карательная цензура, какъ фактъ, возникаетъ лишь съ этого времени. Конечно, и здѣсь, какъ вообще во всѣхъ дѣлахъ касающихся просвѣщенія и церкви, не обошлось безъ византійскаго вліянія. Я говорю о наказаніи Максима, обвиненнаго, какъ всегда въ такихъ случаяхъ на Руси бывало, въ ереси, при чемъ Максимъ судился именно, какъ авторъ, а не какъ оффиціальный цензоръ. Хотя князь и митрополитъ сочувствовали книжному исправленію, но были на Руси люди, и люди съ большимъ вѣсомъ, которые возмущались исправленіемъ. Воспитанные на обрядахъ, не умѣющіе критически относиться къ воспринимаемому, видящіе во всякой церковной, или снабженной именемъ святаго, книгѣ незыблемый авторитетъ—они не могли допустить и мысли объ исправленіи. „Дрожь

мя великая поимала и ужасъ напалъ" [1]), разсказываетъ Медоварцевъ, когда ему пришлось заглаживать Троицкій отпускъ. Почти тѣ же слова повторяетъ позднѣе протопопъ Аввакумъ: „вижу зима хощетъ быти". Вотъ характерныя слова для опредѣленія отношенія русскихъ реакціонеровъ къ дѣлу исправленія. По старымъ книгамъ, разсуждали они, не правленнымъ, люди уже спасались, и мощи ихъ открыты, а спасемся-ли по новымъ — неизвѣстно [2]). И часто эти реакціонеры имѣли успѣхъ, возводя на справщика обвиненія въ ереси. Одной изъ первыхъ жертвъ и былъ Максимъ Грекъ. Но такъ какъ Максимъ былъ у князя въ милости, то кромѣ обвиненія въ ереси, порчѣ, и не исправленіи церковныхъ книгъ, на него возводили обвиненія и политическаго характера: сношеніе съ турецкимъ посломъ, тайныя бесѣды съ Белемишевымъ Берсенемъ и Федоромъ Жаренымъ и др. Насъ интересуютъ только обвиненія въ порчѣ книгъ и мы разсмотримъ эти вины Максима подробнѣе. 1525 г. въ февралѣ мѣсяцѣ составился подъ предсѣдательствомъ митрополита Даніила соборъ, въ которомъ судился Максимъ. „Максимъ", говорится въ судномъ дѣлѣ [3]), „говорилъ и училъ многихъ и писалъ о Христѣ, яко сидѣніе Христово одесную Отца мимошедшее и минувшее; гдѣ было въ здѣшнихъ книгахъ написано: Христосъ взыде на небеса и сѣде одесную Отца, а индѣ: сѣдяй одесную Отца, и онъ то зачернилъ, а иное выскребъ, а вмѣсто того написалъ: сидѣвъ одесную Отца, а индѣ: сидѣвшаго одесную Отца, а въ иномъ мѣстѣ: сидѣлъ одесную Отца". Когда Досифей, епископъ Сарскій, по порученію митрополита, спрашивалъ объ этомъ Максима, онъ отвѣчалъ: „въ томъ разнства ни которого нѣсть, а то мимошедшее Адамово сидѣніе въ раю, а сѣдѣніе прямо рая мимошедшее есть, такоже Христово сидѣніе одесную Отца мимошедшее есть". Митрополитъ на судѣ привелъ массу текстовъ Св. Писанія, убѣждая Максима, но онъ остался при своемъ [4]). Спрашивали, затѣмъ, Максима, зачѣмъ написалъ въ правилахъ: „аще кто наречетъ Пречистую Богородицу Дѣву Марію, да будетъ проклятъ". Максимъ здѣсь отрицаетъ вину и оправдывается, говоря: „я того не писалъ и не велѣлъ писать; это описка, и за это обвинять не должно". Такъ же считалъ онъ опиской и третье обвиненіе: „гдѣ въ нашихъ книгахъ напи-

---

[1]) Пренія митроп. Даніила съ Макс. Чт. Моск. Общ. истор. и др. 1847 г., т. IX, стр. 10.

[2]) Слово отвѣщательное, Прав. Соб. 1862 г.

[3]) Чт. Моск. Общ. Ист. и др. 1847 г., кн. 7.

[4]) Макарій. Ист. русск. цер., т. 6, стр. 184 и дал.

сано: безстастно божество ты то загладалъ и написалъ: не страшно божество, а въ другомъ мѣстѣ безстрашно божество".

Оправданій справщика не признали, и его заключили въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, съ запрещеніемъ писать что-либо. Но такъ какъ Максимъ „покоянія и исправленія не показываше, и не повинна во всемъ себѣ глаголаше, и отреченная мудрствовавше, и посланія писаше", (пишетъ даже канонъ Св. Духу углемъ на стѣнѣ темницы) то его въ 1531 г. снова требуютъ на соборъ, гдѣ, кромѣ старыхъ винъ, на него возводятся и новыя „хулы на Господа Бога и на Пресвятую Богородицу и на церковныя уставы и законы, и на Св. чудотворцы, и на Св. монастыри и на прочая". Говорятъ, что въ переведенномъ Максимомъ Метафрастовомъ житіи Пресвятой Богородицы оказались такія еретическія строки: 1) Іосифъ обручается дѣвѣ Маріи, „совокупленіе же до обрученія бѣ", 2) „носимаго въ ней плода утробы преславнѣ нарицаетъ, ака сѣмени мужска никако же причастившеся", 3) „тайное отпущеніе устрояше Іосифъ, аки праведенъ сый". Максимъ, когда ему прочитали эти строки, отвѣчалъ: „это ересь жидовская; я такъ не переводилъ, не писалъ, и не приказывалъ писать". Есть основаніе думать, что виноватъ въ этихъ опискахъ Вассіанъ Патрикѣевъ, знаменитый князь-инокъ, который имѣлъ прикосновеніе къ этому переводу, и на котораго, плохо еще тогда понимавшій русскую рѣчь, Максимъ могъ положиться. Не даромъ же Вассіанъ, когда дѣло дошло до суда, посылалъ въ Бѣлоозерскую пустынь, куда онъ послалъ житіе въ данномъ переводѣ, грамоту, чтобы строитель монастыря загладилъ крамольную строку „кабы ея не знати". Судьи нашли „заглаженнымъ" 8 гл. 37 ст. Дѣяній Апост.: „рече Филиппъ каженику: аще вѣруеши отъ всего сердца твоего, мощно ти есть; отвѣщавъ же каженикъ, рече: вѣрую Сына Божія быти Іисуса Христа", и говорили, что Максимъ не признаетъ Христа Сыномъ Божіимъ. Максимъ говорилъ, что заглаживалъ строку Медоварцевъ, а послѣдній оправдывался, что дѣлалъ такъ „страха ради Васьянова". Нашли вину и въ заглаженномъ большомъ отпускѣ Троицкой вечерни. Максимъ опять сваливалъ вину на Медоварцева, а тотъ говорилъ, что онъ не смогъ загладить, „дрожь мя великая поимала и ужасъ на меня напалъ", и Максимъ самъ все до конца загладилъ. Максимъ говорилъ, что дѣлалъ то по повѣленію митрополита Варлаама. Когда Медоварцева стали упрекать, что онъ не донесъ тогда же, то Медоварцевъ даетъ отвѣтъ, въ которомъ и указывается истинный виновникъ этихъ исправленій—Вассіанъ. Вассіана боялись, такъ какъ онъ былъ „великій временный человѣкъ у великаго князя,

ближній (фаворитъ), и азъ такъ и Государя не блюлся, какъ его блюлся и слушалъ". Но теперь Вассіанъ уже не былъ въ фаворѣ, и соборъ смѣло наложилъ на Максима и на его сотрудниковъ наказанія: Максима заключили въ Тверской Отрочь монастырь, Сильвана—въ Соловецкій, а Медоварцева—въ Коломну. Такъ печально окончилась судьба нашихъ первыхъ и даже лучшихъ справщиковъ.

На этомъ же соборѣ судился и бывшій „великій временной человѣкъ" инокъ Вассіанъ, исправлявшій Кормчую книгу [1]). Пока Вассіанъ былъ въ силѣ у князя, его исправленій не касались, но какъ только онъ палъ, его предали суду и заточили въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь (1531 г.). На вопросъ Даніила, какъ онъ дерзнулъ на такое дѣло, какъ исправленіе Кормчей. Вассіанъ сослался на приказаніе митрополита Варлаама и освященнаго Собора. Присутствовавшій на Судѣ Крутицкій епископъ Досифей, одинъ изъ числа епископовъ, бывшихъ при Варлаамѣ, отрицалъ существованіе такого распоряженія. Кормчая, исправленная Вассіаномъ, сохранилась до настоящаго времени [2]), и на ней есть надпись: „по благословенію всероссійскаго митрополита Варлаама". Слѣлана ли эта надпись Вассіаномъ самовольно, или нѣтъ — не извѣстно. Обвиняли Вассіана и въ томъ, что онъ находилъ въ Кормчей мѣста „противныя Евангелію и Апостолу", говаривалъ и писалъ, что „правила эти писаны отъ діавола, а не отъ Св. Духа", называлъ ихъ „кривилами" и т. под.

Какъ не страшна была судьба Максима и Вассіана, однако дѣло исправленія не прекращается, хотя справщики уже не ставятъ себѣ такихъ большихъ задачъ, какъ при Максимѣ. Въ 1535 г. сотрудникъ Максима Дмитрій Герасимовъ переводитъ съ латинскаго: „Бруноново толкованіе на Псалтырь". Въ предисловіи къ толкованію Брунонъ требуетъ критическаго, на основаніи сравненія текстовъ, особенно оригинальнаго, отношенія къ переводу и исправленію книгъ: „вѣждь же, еже идеже въ книгахъ Вѣтхаго Завѣта ложь открывается, тещи подобаетъ къ книгамъ еврейскимъ древнимъ, занѣ Вѣтхій Завѣтъ первѣе въ языцѣ еврейскомъ написанъ. Аще убо въ книгахъ Новаго Завѣта, тещи подобаетъ къ книгамъ греческимъ" [3]). Будущій предсѣдатель Стоглаваго Собора Макарій, въ бытность свою Новгородскимъ архіепископомъ, много потрудился въ дѣлѣ исправленія и перевода книгъ. „Мно-

---

[1]) Чтен. Моск. Общ. ист. и др. 1847 г., т. IX, отд. IV.

[2]) Опис. рукоп. Толстого, отд. I, № 169, стр. 92.

[3]) Софійск. временникъ, 2, стр. 391, 392.

ги труды и подвиги подъяхъ", пишетъ онъ: „отъ исправленія иностранныхъ и давнихъ пословицъ, преводя на русскую рѣчь— иное же и до днесь въ нихъ неисправлено пребысть" [1]). Онъ приказываетъ подчиненнымъ себѣ пастырямъ составлять жизнеописанія мѣстныхъ святыхъ и переводить книги, содержитъ при себѣ множество писцовъ „не щадя издержекъ", лично самъ просматриваетъ рукописи предъ выпускомъ въ обращеніе и въ нужныхъ случаяхъ исправляетъ [2]). Лучшимъ изъ трудовъ Макарія является: „великая книга Минея Четьи", за цѣлый годъ. Понятно, что, сдѣлавшись митрополитомъ, Макарій по прежнему обращаетъ вниманіе на исправленіе. Такъ, въ 1549 г. всѣ собранныя имъ каноны житія и чудеса новыхъ русскихъ святыхъ, онъ прежде распространенія передаетъ свидѣтельствовать Собору. И только по признаніи соборомъ удовлетворительными, Макарій „предалъ Божимъ церквамъ пѣть и славить и праздновать" [3]).

При митрополитѣ Макаріи, и по его почину, была предпринята попытка распространить цензуру на всю Русь, тогда какъ до сего времени всѣ мѣропріятія въ этомъ направленіи ограничивались Москвой, или самое болшее городами, гдѣ были епископскіе каѳедры. На сколько эта попытка фактически осуществилась, мы скажемъ ниже. Я говорю о такъ называемомъ Стоглавомъ Соборѣ 1551 года, на которомъ, между прочимъ, разсматривался вопросъ объ исправленіи книгъ, при чемъ книжная цензура была поручена протопопамъ и благочиннымъ. Государь Иванъ IV ставитъ отцамъ собора такого рода вопросъ: „божественныя книги пишутъ съ неправленныхъ переводовъ, а написавъ не правятъ же, опись къ описи пребываетъ, и недописи, и точки непрямые, и по тѣмъ книгамъ въ церквахъ Божіихъ чтутъ, и поютъ, и учатся, и пишутъ съ нихъ, что о семъ небреженіи и великомъ нашемъ нерадѣніи отъ Бога будетъ по божественнымъ правиламъ" [4]). Соборъ въ отвѣтъ на царскій вопросъ издаетъ особыя постановленія: „о училищахъ книжныхъ", „о исправленіи книжномъ", „о книжныхъ писцѣхъ", „о злыхъ ересѣхъ", „о живописцахъ и честныхъ иконахъ" и т. под. Сущность всѣхъ постановленій собора сводится къ тремъ мѣропріятіямъ. Прежде всего соборъ поручаетъ мѣстному духовенству исправленіе уже имѣющихся въ употребленіи книгъ по церквамъ: «протопопамъ и старѣйшимъ священ-

---

[1]) Послѣсловіе сентябр. четв. четьихъ миней.
[2]) Полн. Собр. Р. Лѣтоп., т. VI, стр. 289—301.
[3]) Стоглавъ, гл. 4, стр. 43—45.
[4]) Стоглавъ, гл. 5, вопр. 5, стр. 52.

никамъ и избраннымъ священникамъ со всѣми священниками въ каждомъ градѣ во всѣхъ Святыхъ церквахъ дозирати священныхъ книгъ, Св. Евангелій и Апостолъ и прочихъ книгъ, ихъ же соборная церковь пріемлетъ, а которыя будутъ святыя книги... не правлены и описливы, тѣ всѣ святыя книги съ добрыхъ переводовъ справливати соборнѣ» [1]). Вторая функція состояла въ надзорѣ за писцами, которые выпускали книги въ обращеніе: «также которые писцы по городамъ книги пишутъ и вы бы имъ велѣли писати съ добрыхъ переводовъ, да написавъ правили, потомъ же бы и продавали, а не правивъ бы книги не продавали, а который писецъ написавъ книгу продастъ не справивъ и вы бы тѣмъ возбраняли съ великимъ запрещеніемъ, а кто у него не исправлену книгу купитъ и вы бы тѣмъ по тому же впредь тако же творили, а впредь таковои обличени будутъ продавецъ и купецъ и вы бы у нихъ тѣ книги имали даромъ, базъ всякаго зазору, да исправивъ отдавали въ церкви, которые будутъ книгами скудны, да видя таковая вашимъ береженьемъ и прочіе страхъ пріимутъ, и вы бы о всѣхъ... потщалися совершити и исправити, елика ваша сила» [2]). Третья функція духовенства состояла въ отысканіи и привлеченіи къ отвѣту лицъ, имѣющихъ у себя волшебныя и еретическія книги: «злые ереси, кто знаетъ ихъ и держится, рафли, шестокрылъ, воронограй, остромій, зодѣй, алманахъ, звѣздочетъ и аристотель, аристотелевы врата, и иные составы и мудрости еретическія и коби бѣсовскіе, которые прелести отъ Бога отлучаютъ и въ тѣ прелести вѣруючи многихъ людей отъ Бога отлучаютъ погибаютъ. И о томъ отвѣтъ. Не токмо благочестивому царю въ царствующемъ градѣ Москвѣ, но и по всѣмъ градамъ царскую свою грозную заповѣдь учинити, да и всѣмъ святителямъ, каждому во своемъ предѣлѣ по всѣмъ градомъ запретити и заповѣдати съ великимъ духовнымъ запрещеніемъ, чтобы православные хрестьяне такихъ богоотреченныхъ и Св. отцы семью соборы отверженныхъ тѣхъ всѣхъ еретическихъ книгъ у себя не держали и не чли, а которые будутъ люди посѣ мѣста тѣ еретическія и отреченныя книги у себя держали и чли, или иныхъ учили и прельщали и тѣми отъ бѣсовъ прельщалися и если бы о томъ каялись отцемъ своимъ духовнымъ и впредь бы у себя таковыхъ еретическихъ книгъ не держали и не чли, а которые люди отнынѣ и впредь учнутъ таковая еретическія книги у себѣ держати и чести, или начнутъ иныхъ прельщати и учити и потомъ обличени будутъ, и тѣмъ

---

[1]) Стоглавъ, гл. 27, стр. 124.
[2]) Стоглавъ, гл. 28, стр. 125.

быти отъ благочестиваго царя въ великой опалѣ, а отъ святителей по священнымъ правиломъ въ конецъ во отлученіи» [1].

Изъ разбора постановленій Стоглаваго собора видно, что къ половинѣ XVI столѣтія свѣтская и духовная власть приходятъ къ согласному сознанію необходимости наблюдать за правильнымъ, съ господствующей точки зрѣнія, распространеніемъ письменности, при чемъ всѣ цензурныя обязанности возлагаются на духовенство. Этимъ соборомъ завершился переходъ отъ моральнаго преслѣдованія книжной неправды къ полицейскому надзору съ его предупредительными и карательными мѣрами. Съ этого времени на Руси, по крайней мѣрѣ, юридически, а не фактически, уже существуетъ и предупредительная и карательная цензура. Предупредительная—состоитъ въ томъ, что писцамъ, подъ страхомъ конфискаціи ихъ работы, приказывалось писать «съ добрыхъ переводовъ», и чтобы все написанное ими представлялось на просмотръ мѣстному духовенству, и распространялось только послѣ просмотра и одобренія. Карательная цензура заключалась въ самой конфискаціи книгъ, пущенныхъ въ продажу прежде просмотра ихъ свяшенникомъ, въ царской опалѣ и церковной анаѳемѣ для лицъ, какъ имѣющихъ, такъ и распространяющихъ непросмотрѣнныя книги. Такъ было на бумагѣ. Посмотримъ, какъ эти правила Стоглаваго Собора привились въ жизни. Разберемся: могла ли при тогдашнихъ условіяхъ жизни созданная Соборомъ организація цензуры имѣть какое-либо серьезное значеніе и достигнуть какихъ-нибудь результатовъ. По-нашему—не могла. Неуспѣху, прежде всего, способствовала самая неясность соборныхъ опредѣленій. Соборъ, предписывая исправлять книги съ добрыхъ переводовъ, не только не указываетъ, какіе переводы онъ считаетъ добрыми, но даже не говоритъ о признакахъ, по которымъ можно добрые переводы отличить отъ худыхъ. Скорѣе всего, отличительнымъ признакомъ добраго перевода, по мнѣнію Собора, была его древность; но вѣдь не всегда можно было установить время написанія той или другой рукописи, да и самая древность списка еще не гарантировала его истинность; и въ древнихъ спискахъ бывали ошибки. Переписчикамъ и справщикамъ въ какомъ-либо захолустьѣ и невозможно было достать не только древній, а даже вообще какой-либо экземпляръ, нужный для сличенія. Да если бы и были найдены нужные списки, то все-таки разность въ книгахъ не была бы устранена, такъ какъ и въ древнихъ спискахъ, какъ мы указывали выше, было много несходнаго между собою.

---

[1]) Стоглавъ, вопр. 22, гл. 41, стр. 1865 и дальше.

Такимъ образомъ, рекомендуемая Соборомъ мѣра являлась непригодной, недостигающей цѣли, и потому въ самомъ своемъ зарожденіи обреченной на неуспѣхъ.

Помимо того, духовенство, которому, на ряду съ другими многочисленными обязанностями, поручалась цензура, было настолько невѣжественно, что едва ли могло что-либо сдѣлать въ этомъ отношеніи полезнаго. Мы приводили выше отзывъ князя Курбскаго о современномъ ему духовенствѣ, которое «паче въ бабскія бредни упражняются, почитаютъ и похваляютъ ихъ» [1]). Едва ли цензора, сами любители такого запрещеннаго чтенія, могли мѣшать распространенію книгъ, которыя имъ нравились. А если мы припомнимъ всю безконтрольность цензурнаго дѣла у священниковъ; епископы были далеко, почтъ и порядочныхъ дорогъ не было, отчетностей не полагалось, то станетъ понятнымъ неуспѣхъ въ жизни соборныхъ мѣропріятій. Невѣжество, преклоненіе предъ книжнымъ авторитетомъ, неумѣнье отличить правды отъ лжи въ книгѣ, незнаніе критическихъ пріемовъ, отсутствіе руководителей и сознанія своего долга, неясность и неточность Соборныхъ опредѣленій—все это сводило къ нулю, созданную Соборомъ организацію цензуры.

Кромѣ того, свѣтская власть мало оказала въ этомъ отношеніи содѣйствій духовенству. Это было время, когда Грозный начиналъ расправлять свои руки на бояръ и земщину, и ему не было времени слѣдить за цензурной организаціей церкви. Постановленія Стоглаваго Собора нигдѣ даже не были подтверждены свѣтской властью въ законодательныхъ актахъ. Объ отношеніи Ивана IV къ закону вообще Курбскій пишетъ: «гдѣ законы священные, гдѣ правила седьмистолпныя, гдѣ уложенія и уставы апостольскіе. Всѣ попраны отъ прескверненѣйшаго кровоядца и отъ безумнѣйшихъ человѣкоугодниковъ его, пагубниковъ отечества» [2]).

Кромѣ попытки создать цензурную организацію, Стоглавый Соборъ и самъ пытался сдѣлать исправленія въ книгахъ, но исправленія эти не были удачны. Должно быть по незнанію греческаго языка, отцы собора при исправленіяхъ довольствовались лишь славянскими, харатейными списками, уже значительно попорченными, благодаря чему результаты исправленія были печальны. Чрезъ эти исправленія, описокъ въ книгахъ еще прибавилось, да кромѣ того, эти описки, какъ сдѣланныя Соборомъ въ цѣляхъ исправленія, могли въ будущемъ послужить, и въ дѣйствительно-

---

[1]) Опис. рук. Румянц. муз. стр. 242.

[2]) Сказ. кн. Курбск. 1868 г. стр. 103.

сти послужили, основаніемъ для раздоровъ. Напримѣръ, Соборъ повелѣлъ въ 8 членѣ Символа вѣры, о Духѣ Святомъ, читать: или слово: «истиннаго», или: «Господа», а не то и другое вмѣстѣ, и не одно только слово: «Господа», какъ это нужно на самомъ дѣлѣ [1]). Соборъ сдѣлалъ распоряженіе о чтеніи аллилуія два раза, исправилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чинъ литургіи, при чемъ при исправленіи литургіи самъ допускалъ себѣ противорѣчія, которыя могли смущать нашихъ предковъ. Въ 9 главѣ Соборныхъ постановленій повелѣвается вынимать изъ третьей просфоры частицу за Предтечу „такову же, якоже Пречистыя" изъ второй просфоры, а въ 41 главѣ уже говорится, что частица за Предтечу должна быть «мало поменьши» Богородичной. На указанныхъ примѣрахъ попытокъ отцовъ Собора дѣлать исправленія книгъ, можно убѣдиться, что рекомендуемая Соборомъ цензурная организація не могла имѣть серьезнаго послѣдствія. Если сами отцы Собора, лучшіе люди тогдашняго духовенства, имѣющіе подъ руками всѣ средства для исправленія, не могли сдѣлать правильныхъ поправокъ въ вопросахъ высокой церковной важности, какъ чтеніе Символа вѣры, то что же могли сдѣлать въ заброшенныхъ городкахъ и селеніяхъ, ничего подъ руками не имѣющіе, священники!

Изъ всего сказаннаго, слѣдуетъ одинъ выводъ, что мѣры, указанныя Стоглавымъ Соборомъ, остались только на бумагѣ и въ жизни фактически не осуществились. Только отдѣльныя лица изъ духовенства, благодаря своимъ индивидуальнымъ качествамъ, старались сдѣлать что-либо въ этомъ отношеніи. Но такіе отдѣльные случаи не могутъ имѣть вліянія на только что сдѣланный нами общій выводъ.

Заканчивая эпоху рукописи, можно сказать, что во все это время цензурой вѣдала власть духовная, обращавшая свое исключительное вниманіе на книги церковно-богослужебныя, и отчасти на живопись. Примѣромъ строгаго отношенія къ живописцамъ и лицамъ, трактующимъ о живописи иконъ, можетъ быть знаменитое дѣло дьяка Ивана Михайлова Висковатаго въ 1554 году. Висковатый сомнѣвался въ правильности тогдашняго писанія иконъ, и центральная, духовная власть задавила пытливую человѣческую мысль, начинающую сбрасывать съ себя путы обрядности. Не останавливаясь подробно на разборѣ этого процесса, скажемъ, что Висковатый, только въ виду своего раскаянія, отдѣлался трехгодичной епитиміей, а всѣмъ мирянамъ было указано помнить 64 правило 6 вселенскаго Собора, гласившее: «мирянину

---

[1]) Стоглавъ, 9 гл.

не подобаетъ учить передъ народомъ», отъ него требуется лишь молчаливаго повиновенія церковной іерархіи [1]). Что касается оригинальныхъ русскихъ книгъ, напр. лѣтописей и др., то они распространяются безъ предварительной цензуры. Для этихъ рукописей de facto была карательная цензура. Рукопись вредная, или даже подозрительная, отбиралась и сожигалась. Владѣльца рукописи и автора, если онъ находился, также не миловали, при чемъ обычнымъ обвиненіемъ было обвиненіе въ ереси. Спеціальныхъ же узаконеній по этому поводу не было, что можно объяснить, какъ незначительностью количества такого рода литературы, такъ и возможностью примѣнить въ случаѣ надобности обычаи церкви, такъ какъ всякая рукопись того времени была проникнута духомъ религіи, писалась въ религіозномъ освѣщеніи. Заканчивая отдѣлъ, не могу не передать одного случая, разсказаннаго Маскевичемъ [2]) про Ивана IV, когда самъ царь, безъ участія духовенства, приказалъ сжечь календари, вывезенные изъ-за границы, только потому, что онъ въ нихъ ничего не понялъ. Этотъ эпизодъ нельзя признать за событіе, доказывающее наличность цензурныхъ функцій въ рукахъ свѣтской власти. Это случайная прихоть Грознаго, боявшагося, чтобы кто-либо изъ его подданныхъ не уразумѣлъ заключающейся въ календаряхъ мудрости, и не умалилъ бы тѣмъ его царскаго, болѣзненно охраняемаго, достоинства.

---

[1]) Чт. Общ. ист. и др. 1847 г. 83, отд. 2.

[2]) Древнее сказ. о Дмитр. Самозванцѣ, т. 2, стр. 55.

ДРЕВНЯЯ КНИГА.

Введеніе книгопечатанія при Иванѣ IV, въ 1563 году, нисколько не измѣнило въ существѣ положенія цензуры.

Дѣло печатнаго станка поступило въ вѣдѣніе духовенства и оставалось въ его рукахъ вплоть до Петровскихъ реформъ. Право заводить типографіи принадлежало только духовной власти, и лишь въ Юго-Западной Руси князья имѣли свои типографіи, да и тѣ были подъ присмотромъ духовной власти. Печатать что-либо въ имѣющихся типографіяхъ можно было только съ разрѣшенія духовной цензуры. Иностранецъ Кульманъ, желая напечатать свою книгу, обращается къ завѣдывающему Московскимъ печатнымъ дворомъ и тотъ отказываетъ, говоря, что книга не можетъ быть напечатана безъ разрѣшенія Патріарха [1]). Стало-быть и теперь цензура остается въ рукахъ духовенства; стало-быть печатный станокъ не произвелъ коренныхъ измѣненій въ существующей цензурной организаціи.

Мѣры, рекомендованныя Стоглавымъ Соборомъ, не дали, какъ и слѣдовало ожидать, желаемыхъ результатовъ.

Ошибки и описки продолжали наполнять наши книги. И когда въ Москвѣ стали собирать по монастырямъ и церквамъ, а также скупать на площадяхъ, для вновь построенныхъ въ Казани церквей, книги и просматривать ихъ, то изъ нихъ «мало обрѣтошася потребніи, прочіи же растлѣни отъ преписующихъ, не наученныхъ сущихъ и не искусныхъ въ разумѣ, ово же и не исправленіемъ пишущихъ» [2]). Испорчены были книги дотого, что большую часть ихъ пришлось бросить въ огонь [3]). Вотъ тутъ-то и явилась мысль завести типографію, чтобы хоть этимъ помѣшать дальнѣйшей порчѣ книгъ. «Царю и Великому Князю Іоанну Ва-

[1]) Чт. Общ. ист. и др. 1871 г., кн. 3, стр. 187.

[2]) Послѣслов. первопечат. Апост. 1564 г. Опись кн. Толстого, стр. 27.

[3]) Филаретъ, ист. русск. церкви, т. 3, стр. 171.

сильевичу вложилъ Богъ въ умъ благую мысль». читаемъ въ одномъ сказаніи: «какъ бы ему изряднѣе въ русской землѣ учинить и вѣчну память о себѣ оставить: произвести бы ему отъ письменныхъ книгъ печатныя ради крѣпкаго исправленія и утвержденія и соборнаго дѣланія». Митрополитъ Макарій призналъ, что самъ Богъ внушилъ царю эту мысль, и что она есть даръ, ниспосланный свыше[1]). И къ 1653 г. была устроена въ Москвѣ типографія, датчаниномъ Гансомъ Миссингеймомъ.

Но это была не первая русская типографія. На Югѣ Россіи типографіи существовали еще раньше. Такъ, въ Краковѣ существовала типографія еще съ 1491 года, въ которой были напечатаны: Псалтырь, Часословъ, Шестодневъ и Тріоди. Другая типографія была въ Вильно. Свѣдѣнія объ этой имѣются отъ 1518 г., когда тамъ было напечатано: «доктора Франциска Скорины на первыя книги царствъ сказаніе» [2]). Позднѣе тамъ были напечатаны Апостолъ, Псалтырь съ акафистами и друг. „У великомъ мѣстѣ Празскомъ“ т. е. въ Прагѣ въ 1519 г. была напечатана: „Вивліа Русска“ доктора Скорины [3]). Были типографіи и въ другихъ мѣстахъ на Югѣ: въ Кіево-Печерской лаврѣ, у Гетмана Ходкевича въ Заблудовѣ, у князя Константина въ Острогѣ, въ Львовѣ и другихъ. Печатаніе книгъ на Югѣ было дѣломъ частной предпріимчивости и ревности о благѣ церкви. Особенно много въ этомъ отношеніи сдѣлали существовавшіе по всей Южной Руси братства.

Типографія напр. Виленскаго братства работаетъ непрерывно. И здѣсь духовенство беретъ типографское дѣло въ свои руки, и всѣ книги Виленской типографіи печатаются съ благословенія Константинопольскаго Патріарха. На Брестскомъ соборѣ въ 1594 г. было постановлено, чтобы въ Кіевской митрополіи ничего не печаталось безъ вѣдома митрополита, а въ Львовѣ и другихъ городахъ, имѣющихъ типографіи, безъ разрѣшенія мѣстнаго архіерея [4]). Изъ Кіевскихъ святителей особенной ревностью къ книжному исправленію пылалъ митрополитъ Петръ Могила. Всѣ книги въ Лаврской типографіи печатались «его благословеніемъ и повѣленіемъ», а цвѣтная Тріодь и Служебникъ даже: „благословеніемъ и исправленіемъ“. Онъ составилъ въ Кіевѣ изъ священниковъ нѣчто въ родѣ цензурнаго комитета, куда всѣ братства должны были обращаться за разрѣшеніемъ на напечатаніе какой-ли-

---

[1]) Бахтіаровъ, Ист. книги, стр. 76, 75.
[2]) Библіотека Россійская, еп. Дамаскина чт. Общ. ис. др. 1891 г., ч. I, стр. 10.
[3]) Чт. Общ. ист. и др. 1891 г. ч. I, стр. 10.
[4]) Макарій. Ист. рус. церкви, т. IX, стр. 545.

бо книги. Онъ напоминаетъ Львовскому братству въ 1634 г. объ обязанности обращаться въ указанный комитетъ за разрѣшеніями, такъ какъ братство старалось уклониться отъ опеки митрополита. А когда Львовское братство, послѣ напоминанія, осмѣлилось безъ разрѣшенія напечатать Служебникъ, Могила разослалъ по митрополіи грамоты, въ которыхъ объявлялъ свое неблагословеніе покупающимъ и пользующимся крамольной книгой. Но надо сознаться, что братство Виленское и послѣ этого печатало книги безъ митрополичьяго разрѣшенія [1]).

Изъ числа цензоровъ-справщиковъ въ Кіевѣ извѣстны: Памва Берында, Зизаній Тустановскій, Захарій Копыстенскій и Іосифъ Святогорецъ. Въ Кіевской типографіи, кромѣ церковныхъ книгъ, печатались и оригинальныя, свѣтскія произведенія, такъ въ 1622 г. были напечатаны вирши на смерть Сайгадычнаго—Кассіана Сакевича.

Нашъ краткій очеркъ южнорусской цензуры былъ бы неполонъ, если бы мы обошли молчаніемъ дѣятельность Гедіона, епископа Литовскаго, имѣвшаго типографію въ Галичѣ. Въ 1604 году Гедіонъ издаетъ въ Стрятинѣ служебникъ, сличивъ его предварительно съ древними славянскими списками и греческимъ текстомъ. По порученію Брестскаго собора (1606 г.) онъ предпринимаетъ изданіе требника, для чего по его собственнымъ словамъ (въ предисловіи къ требнику) онъ собралъ много списковъ требника и „нашелъ между ними большое разногласіе", что сильно его опечалило. Тогда Гедіонъ пишетъ Милетію, патріарху Александрійскому, временно управлявшему Константинопольскимъ патріархатомъ, прося его прислать „греческій евхологій" (требникъ) и сообщая „о разностяхъ и неправельностяхъ словенскихъ книгъ". Патріархъ прислалъ Гедіону служебникъ и требникъ, свѣренные съ древними Аѳонскими книгами, и благословилъ печатать переводъ. Но и по полученіи книгъ отъ патріарха, Гедіонъ приступаетъ къ печатанію только послѣ совѣта съ своими священниками, при чемъ рѣшено было недостающіе въ греческомъ требникѣ чины, напр., освященіе міра, перенести изъ славянскихъ и въ такомъ видѣ издать требникъ.

Послѣ краткаго очерка о типографіяхъ южной Россіи, перехожу снова къ Москвѣ.

Пріѣхавшій на Москву для устройства типографіи датчанинъ Гансъ Миссингеймъ нашелъ здѣсь двухъ печатниковъ: Ивана Федорова и Петра Мстиславца, которые уже „малыми и нѣкіими и

---

[1]) Макарій, Ист. рус. церк. т. XI, стр. 571—573.

неискусніи начертаніи печатываху книги“ [1]). Эти-то три лица и начали въ 1563 г., а въ мартѣ 1564 году окончили книгу: „Дѣянія Апостольска и посланія соборная и Св. Ап. Павла посланія“. Рисковавшіе остаться безъ заработка книжные переписчики возмутили противъ типографщиковъ чернь, говоря, что печатаніе дѣло еретическое, и что по печатнымъ книгамъ нельзя спастись. И типографія, успѣвъ напечатать только Апостолъ, Часословъ и Псалтырь, была разгромлена и сожжена. Печатники бѣжали въ Польшу, и типографское дѣло въ Москвѣ было возстановлено лишь въ 1568 г. Андроникомъ Невѣжей. Напуганные судьбой первопечатниковъ, печатники дѣйствовали робко, книги выпускали рѣдко, боясь раздражить народъ. Вплоть до патріарха Филарета каждая книга сопровождается просьбой къ читателямъ: „любезно молимъ васъ милостиви намъ будите“ [2]).

Если бы типографіи были заведены въ большомъ количествѣ, если бы выпускаемыя ими книги обезпечивали рынокъ на столько, что прибѣгать къ рукописямъ не понадобилось бы, тогда власть получила бы полную возможность цензуровать выпускаемыя книги. Чрезъ эту мѣру была бы достигнута и цѣль, которую ставила себѣ духовная власть: разнообразіе въ книгахъ было бы уничтожено и дальнѣйшая порча книгъ прекращена..: Но типографія рукописей не вытѣснила, такъ какъ печатныхъ книгъ выпускалось меньше, чѣмъ нужно было для удовлетворенія спроса. И во второй половинѣ XVI вѣка, и въ первой—XVII-го, рукопись была не въ меньшемъ обращеніи, чѣмъ книга. Только ко времени Никона рукописи начинаютъ попадаться рѣже.

Хотя типографія и создавала большую возможность для власти въ отношеніи справы и наблюденія за книгами, но все-таки книги, выпущенныя изъ Московской типографіи въ первые ея годы, далеки отъ идеала. Московскіе справщики одни ничего сдѣлать, какъ люди недостаточно образованные, не могли. Не зная греческаго языка, они не обращались къ греческому тексту, да и славянскіе-то списки у нихъ въ пользованіи были не изъ лучшихъ [3]). Только въ полицейскомъ отношеніи власть съ учрежденіемъ типографіи выигрывала, а именно, мысль въ чемъ-либо несогласная съ догматами вѣры или съ церковной практикой, уже не могла увидѣть свѣта чрезъ печать.

Съ учрежденіемъ въ Россіи патріаршества, исправленіе, печа-

---

[1]) Бахтіаровъ, Ист. книги, стр. 75.
[2]) Послѣслов. къ уставу 1610 г., минеи-Гермогена и др.
[3]) Филаретъ. Ист. рус. церк. т. 3, стр. 173.

таніе и цензура книгъ сдѣлались одной изъ постоянныхъ заботъ церкови, а съ ней и свѣтской власти. Мы имѣемъ точныя свидѣтельства того, что и свѣтская власть заботилась о книжномъ исправленіи: царь Василій Ивановичъ Шуйскій возвѣщалъ патріарху Гермогену «дабы ему, иже по духу съ сынами своими, соборне изсвидѣтельствовати все лѣтнее обхожденіе книгъ дванадесять мѣсяцъ Минеи, отъ многихъ бо лѣтъ сія книги, егда отъ греческаго языка на словенскій преложены, и мнози древніи преводницы, и преписущеи или изранишa, или смѣшися, или въ чемъ погрѣшиша» [1]). Но заботы эти не имѣли серьезныхъ послѣдствій. Хорошо сознавали, что книги испорчены, а исправить ихъ надлежащимъ образомъ не могли, справляя только по славянскимъ переводамъ, часто довольно сомнительнаго происхожденія. Даже то смутное время, въ которое пришлось работать первымъ патріархамъ, не можетъ служить для нихъ оправданіемъ. Если находилось время для сличенія книгъ по славянскимъ текстамъ, то несомнѣнно нашлось бы и для провѣрки по греческимъ. Вѣдь люди, знавшіе греческую рѣчь, были и даже близко стояли къ книжному дѣлу: я говорю объ Арсеніи Сухомъ Селижаровцѣ и др. Предъ властями и справщиками долженъ былъ стоять свѣтлый образъ Максима Грека, они должны были помнить его наставленія, его труды должны были быть примѣромъ, достойнымъ подражанія.

При патріархѣ Іовѣ было издано нѣсколько книгъ, нѣкоторыя впервые въ Москвѣ, напр.: октоихъ, архіерейскій служебникъ и др. При немъ былъ написанъ, и самимъ патріархомъ исправленъ, канонъ Іосифу Волоколамскому. Самъ Іовъ свидѣтельствовалъ нѣкоторыя напечатанныя при немъ книги: октоихъ [2]), служебникъ [3]), тріоди цвѣтную и постную. Въ послѣсловіи къ цвѣтной тріоди, печати 1591 г. читаемъ, что печатники «благое желаніе мысли своея возвѣщаютъ отцу своему святителю Іову, патріарху... и всему освященному собору, дабы: св. книги свидѣтельствованы и исправлены были и печатнаго дѣла письмены исправлены» [4]). Патріархъ Гермогенъ такъ же свидѣтельствовалъ нѣкоторыя книги, напр., минею мѣсячную. Въ періодъ междупатріаршества, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, въ 1614 году была возстановлена въ Москвѣ типографія и напечатано нѣсколько книгъ

---

[1]) Опис. рук. Толстова № 51, послѣслов. Минеи служ. 1607 г.
[2]) Опис. книгъ Царскаго № 32 и 41.
[3]) Опис. кн. Толстова № 95.
[4]) Опис. кн. Царскаго, № 27.

повелѣніемъ царя и «благословеніемъ его богомольцевъ, межъ патріаршества, преосвященныхъ митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископовъ и всего священнаго собора» [1]). Въ это же время, какъ это и неудивительно, возникаетъ желаніе улучшить дѣло исправленія, а именно: издать требникъ, провѣривъ его по греческому тексту. Дѣло поручено было Арсенію Глухому Селижаровцу, человѣку съ домашнимъ образованіемъ, но хорошо знающему греческій языкъ, изучившему самоучкой «грамматику и діалектику», и еще до приглашенія занимавшемуся въ библіотекѣ Троицко-Сергіевой лавры исправленіемъ книгъ. Тамъ онъ переписалъ и исправилъ канонникъ [2]). Вызванъ былъ Арсеній въ Москву келаремъ лавры знаменитымъ Авраамiемъ Палицинымъ отъ имени Государя «Государевымъ словомъ правити книга Потребникъ на Москвѣ въ печатное дѣло» [3]). Съ Арсеніемъ пріѣхалъ въ Москву «собою, а не по грамотѣ» Климентьевскій (подмонастырное село) попъ Иванъ Насѣдкинъ, или Насѣдка. На помощь Арсенію приглашали еще книгохранителя Троицкой лавры Антонія, но онъ по болѣзни не пріѣхалъ. Чувствуя важность дѣла и боясь отвѣтственности, справщики подаютъ отзывъ, въ которомъ высказываютъ боязнь однимъ исправлять книгу „безъ настоятеля отъ властей", да сверхъ того Арсеній „ни попъ, ни дьяконъ, а въ той книгѣ всѣ потребы поповскіе" [4]). Насѣдка, приглашенный такъ же въ справщики, хотѣлъ быть поближе къ дому, гдѣ оставилъ жену и дѣтей. Въ виду такой просьбы Царь 8 ноября 1616 года поручаетъ исправленіе требника архимандриту Троицко-Сергіевой лавры Діонисію, съ старцами: канонархистомъ Арсеніемъ, библіотекаремъ Антоніемъ (Крыловымъ), діакономъ Закхеемъ и священникомъ Иваномъ Насѣдкою, при чемъ архимандриту предоставляется право привлекать къ участію въ переводѣ и исправленіи „разныхъ старцевъ, которые подлинно и достохвально извычны книжному ученію, и грамматику, и риторію знаютъ" [5]). Отправлявшимся изъ Москвы въ Троицу Арсенію и Насѣдкѣ дали три списка потребника, одинъ даже митрополита Кипріана, разрѣшивъ пользоваться изъ лаврской библіотеки и другими.

При работѣ справщики имѣли подъ руками до 20 славянскихъ списковъ, при чемъ древность нѣкоторыхъ восходила за

---

[1]) Опис. кн. Царскаго, № 53.
[2]) Прав. Собес. 1862 г., т. II, стр. 36.
[3]) Рѣчь царск., поданная Салтыкову.
[4]) Рѣчь Арс. Рук. Тр.-Серг. Лавры № 700, стр. 295.
[5]) Акты Археограф. Эксп., т. 3, № 329.

200 лѣтъ, 5 списковъ греческихъ, изъ коихъ 4—патріаршьихъ, а одинъ—Арсенія, бывшаго архіепископа Елассонскаго, тогда уже Суздальскаго. Работали справщики, по выраженію Арсенія: „безо всякія хитрости, сидѣли полтора года день и ночь". Не довольствуясь только буквальнымъ сличеніемъ списковъ, они вникали и въ самый смыслъ молитвъ и исправляли иногда по Православному исповѣданію Вѣры. Понимая, что исправленіе можетъ угрожать даже ихъ жизни, что безопаснѣе бы было править подъ крыломъ у митрополита, Арсеній не разъ уговаривалъ Діонисія бросить исправленіе: «откажи дѣло Государю, не сдѣлати намъ того дѣла въ монастырѣ безъ митрополичьяго совѣта, а привеземъ книгу изчерня къ Москвѣ,—и простымъ людямъ будетъ смутно» [1]. Но Діонисій, уговариваемый большимъ честолюбцемъ Насѣдкой, продолжалъ исправленіе, кончившееся для справщиковъ бѣдою. И теперь, какъ и раньше, обязанности справщика не возлагаются на спеціально тому подготовленныхъ лицъ, исправленіе ведется лицами, не оставляющими своихъ обычныхъ занятій, на исправленіе смотрятъ какъ на побочное дѣло, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ поручаютъ исправу случайнымъ лицамъ.

Въ текстѣ требника (1602 г.) справщиками найдено было много погрѣшностей, напр., въ чинѣ освященія воды на Крещеніе къ словамъ: «освяти воду сію Духомъ Твоимъ Святымъ» прибавлено было слово: «и огнемъ». Во всѣхъ греческихъ и русскихъ спискахъ, кромѣ двухъ позднѣйшихъ, этого слова не было. Да и въ этихъ двухъ оно было въ одномъ спискѣ приписано на полѣ, а въ другомъ—надъ строкой. Были найдены и другія описки въ большомъ количествѣ.

Кромѣ требника справщики просмотрѣли и другія книги, изданныя въ періодъ междупатріаршества и во всѣхъ нашли ошибки, а особенно много въ изданномъ въ 1610 году головщикомъ Троицкой лавры Логгиномъ церковномъ уставѣ. Въ мартѣ или апрѣлѣ 1618 года Діонисій повезъ книги къ митрополиту Іонѣ, завѣдывавшему тогда патріаршьимъ престоломъ и доложилъ обо всѣхъ исправленіяхъ. О наградахъ справщикамъ до патр. Никона мы свидѣтельствъ почти не встрѣчаемъ, зато имѣемъ массу свѣдѣній о правежахъ, которымъ подвергались справщики по окончаніи порученныхъ имъ работъ, о заточеніяхъ въ тюрьмы и ссылкахъ на покаяніе въ дальніе монастыри. Та же участь ждала въ Москвѣ Діонисія съ товарищами. Іона, уже предубѣжденный противъ справ-

[1]) Акты Археограф. Эксп., т. 3, № 329.

щиковъ Логгиномъ, обиженнымъ исправленіемъ его устава, и тѣмъ, что Діонисій безъ указанія Іоны правилъ книги имъ же, Іоной, благословленныя, собираетъ 18 іюля 1618 г. соборъ, но не изъ архіереевъ, а только изъ высшаго Московскаго духовенства, и не столько для просмотра, исправленнаго, сколько для суда надъ исправителями. Обвиняли справщиковъ, главнымъ образомъ, въ пропускѣ слова «огнемъ», говорили, что они «Духа Святого не исповѣдуютъ, яко огнь есть». Напрасно обвиняемые доказывали правильность своихъ исправленій, соборъ послѣ пытки «положилъ... Діонисея, попа Ивана отъ церкви Божіей и Литургіи служити отлучить, да не священствуютъ» [1]). Кромѣ того, Діонисія рѣшили сослать въ Кирилловъ монастырь, но такъ какъ дороги были заняты поляками, его оставили въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, гдѣ 40 дней били и мучали, ставили въ дыму на палатяхъ, заставляли класть по 1000 поклоновъ ежедневно. Часто въ торговые и праздничные дни Діонисія возили на патріаршій дворъ, гдѣ онъ на улицѣ билъ поклоны, а чернь смѣялась надъ нимъ, говоря, что онъ хотѣлъ вывести огонь изъ міра. Арсенія заключили въ Кирилловомъ подворьѣ, гдѣ онъ 9 мѣсяцевъ провелъ въ одной свиткѣ и часто безъ куска хлѣба. Одинъ Насѣдка избѣжалъ заключенія. Только въ 1619 году, по просьбѣ Іерусалимскаго патріарха Феофана, патріархъ Филаретъ пересмотрѣлъ дѣло справщиковъ и освободилъ страдальцевъ. Но освободивъ справщиковъ, Филаретъ побоялся исключить слово «огнемъ», а просилъ Феофана: «тебѣ бы пріѣхавъ въ Греческую землю и посовѣтовавшись съ своею братіею, вселенскими патріархами, выписать изъ греческихъ книгъ древнихъ переводовъ, какъ тамъ написано» [2]), а пока велѣлъ исправленный требникъ печатать со словомъ „и огнемъ", и съ оговоркой на полѣ: «быти сему глаголанію до соборнаго указу». Въ 1625 году отъ вселенскихъ патріарховъ пришли грамоты, въ которыхъ писалось, что въ греческихъ книгахъ прилога «и огнемъ» нѣтъ, и думаютъ они, что взялся онъ «отъ нѣкіихъ мнѣно мудрыхъ», почему и настоятельно требуютъ: „сему прилогу всячески не подобаетъ въ васъ пребывати, но паче отвержену быти далече" [3]). Грамоты патріарховъ разсѣяли сомнѣнія Филарета и онъ 9 декабря 1625 года издалъ указъ, предписывающій епископамъ и игуменамъ, отобравъ у подначальнаго имъ

---

[1]) Дѣян. Собора. Сѣверн. почта, 1842 г., № 198.
[2]) Бахтіаровъ. Ист. книги, стр. 88.
[3]) Грам. Александр. и Іерус. Патр. рук. Троицк. лавр. № 700, стр. 412, 432.

духовенства требники, „слово огнемъ замарать“ и въ день Богоявленія не читать [1])!“

Филаретъ вообще удѣлялъ много вниманія книгамъ: «зельною ревностью одержимъ бывъ къ божественнымъ книгамъ, повѣлелъ печатанію строитися безпрестанно и продавать книги по всей Русской землѣ Св. Божіимъ церквамъ» [2]). Старался самъ, по возможности, свидѣтельствовать выпускаемыя книги [3]). При Филаретѣ были положены болѣе прочныя начала книжной цензуры. Ей была предана болѣе стройная, чѣмъ прежде, организація. На печатномъ дворѣ, въ особомъ отъ мастерскихъ и приказа помѣщеніи, была устроена «правильня», въ которой сидѣли и занимались справщики (1620 г.). Составъ ихъ теперь является совершенно обособленнымъ отъ печатныхъ мастеровъ. Лица это всѣ высоко, по тогдашнему, образованы, почти всѣ знаютъ греческій языкъ. Изъ Филаретовскихъ справщиковъ извѣстны: уже знакомые намъ Арсеній глухой, Антоній Крыловъ, теперь ключарь Успенскаго Собора Иванъ Насѣдка, и новые: Богоявленскій игуменъ Илія и свѣтскій Григорій Онисимовъ. Чтобы справщики могли болѣе успѣшно выполнять возложенныя на нихъ обязанности, царь и патріархъ «повѣлеста отъ градовъ книги харатейныя добрыхъ переводовъ собирати... и отъ тѣхъ древнихъ харатейныхъ книгъ божественныхъ писаній стихословіе исправляти» [4]).

Правильная палата въ томъ видѣ, какъ она была организована при Филаретѣ, продолжаетъ свою дѣятельность и при его пріемникахъ: Іоасафѣ и Іосифѣ. Но такъ какъ эти патріархи не пользовались тѣмъ авторитетомъ, который имѣлъ Филаретъ,— значеніе духовныхъ лицъ на печатномъ дворѣ начинаетъ ослабляться и увеличиваться значеніе свѣтскихъ. Такъ особенно выдвинулся въ это время поддьячій патріаршьяго двора Ѳедоръ Бурцевъ, имя котораго попадается почти на всѣхъ, изданныхъ въ то время, книгахъ. Самый печатный дворъ переходитъ въ вѣдѣніе приказа Большого Двора. Даже вызовъ новыхъ справщиковъ въ 1641 году производится приказомъ начальника Большого Двора боярина Львова; при чемъ въ справшики требовались: «старцы добрые, и черные попы, и дьяконы, житіемъ воздержательны и крѣпкожительны и грамотѣ горазди» [5]). Изъ справщиковъ при

---

[1]) Акты Археограф. Экспед. т. 3, № 166.
[2]) Опись кн. Царскаго, стр. 442—448.
[3]) Сахаровъ, Обзоръ слав.-русск. библіограф.
[4]) Послѣслов. Требника 1633 г. опись кн. Царскаго № 99.
[5]) Акты Археогр. Экспед. т. 3. № 290. 296, 302.

патріархѣ Іосифѣ извѣстны: Иванъ Насѣдка, принявшій въ это время монашество подъ именемъ Іосифа, протопопъ Михаилъ Роговъ, протопопъ Іоакимъ, Андроніевскій архимандритъ Сильвестръ, старцы: Евфимій, Матвѣй, Савватій, свѣтскіе: Шестой Мартемьяновъ, Захарій Афанасьевъ и Захарій Новиковъ.

Основываясь на свидѣтельствѣ Игнатія, митрополита Тобольскаго, долгое время считали, что будушіе ревнители при Никонѣ старыхъ обрядовъ протопопъ Аввакумъ, Лазарь, Никита, Ѳедоръ Нероновъ и Стефанъ Вонифатьевъ были при Іосифѣ книжными справшиками, ибо они „веліе имѣяху дерзновеніе къ самодержцамъ" и престарѣлый Іосифъ поручилъ ихъ вѣдѣнію всю цензурную часть [1]). Такое же мнѣніе царитъ у нашихъ старообрядцевъ, весьма чтущихъ книги Іосифовской печати, какъ книги, которыя были изданы до Никона подъ присмотромъ ихъ вождей, а впослѣдствіи и мучениковъ. Но позднѣе, когда были найдены списки Іосифовскихъ справщиковъ [2]), мнѣніе это поколебалось. Въ спискахъ этихъ имянъ протопопа Аввакума и его товарищей нѣтъ. Церковный историкъ Макарій объясняетъ отсутствіе въ спискахъ справщиковъ имянъ Аввакума и др. тѣмъ, что эти лица имѣли лишь высшій надзоръ за справщиками, сами не производя справы, а только давая указанія фактическимъ цензорамъ, которые, въ виду силы этихъ лицъ у царя, конечно, ихъ во всемъ слушались. Мнѣніе свое Макарій подтверждаетъ ссылкой на свидѣтельство Арсенія Суханова, который разсказывалъ въ Греціи: „а у насъ книги правятъ избранные люди и безпрестанно надъ тѣми сидятъ, а надъ тѣми людьми надзираютъ, по государеву указу, митрополитъ и архимандриты и протопопы". Макарій и считаетъ, что протопопы, о которыхъ говоритъ Сухановъ, и были Аввакумъ, Вонифатьевъ и др. [3]). Но проф, Каптеревъ несогласенъ съ этимъ. Онъ считаетъ [4]), что Іосифовскіе справщики были люди образованные, съ либеральными взглядами, сторонники, а не противники Никоновскихъ „новшествъ". Онъ доказываетъ, что Аввакумъ и его друзья получили вліяніе на церковныя дѣла благодаря тому, что протежировавшій имъ Степанъ Вонифатьевъ сталъ царскимъ духовникомъ, а это было не раньше 1646 года. Слѣдовательно, при Іосифѣ означенныя лица не могли быть ни книж-

---

[1]) Три посл. Игнатія, стр. 91—95, изд. Казань, 1855 г.

[2]) Румянцевъ, Древн. Моск. Арх. Общ. II, отд. 1, прим. 67, расходн. книги Печатнаго приказа.

[3]) Макарій, Ист. Рус. церкв., т. II, стр. 126, прим.

[4]) Каптеревъ, Патр. Никонъ и его противн., т. I, стр. 52 и дал.

ными справщиками, ни лицами, имѣвшими вліяніе на цензуру книгъ.

Выборъ книги для печатанія, указаніе образцовъ для исправленія, дѣлалъ патріархъ, посовѣтовавшись часто съ освященнымъ соборомъ. Послѣ напечатанія, книга, до выпуска въ обращеніе, представлялась для свидѣтельствованія патріарху и только послѣ его одобренія выпускалась въ свѣтъ. Эта цензура книги чрезъ патріарха состояла въ томъ, что „новоизданную книгу прочитывали въ крестовой палатѣ въ присутствіи патріарха, и уже послѣ того, если въ книгѣ не оказывалось никакихъ препятствій, книгу подносили государю и патріарху". Если же „послѣ справы въ книгѣ оказывались погрѣшности, то листы съ ошибками вынимались и переписывались вновь" [1]).

Филаретовскіе справщики руководствовались при исправленіи лишь древнеславянскими списками, а по греческимъ не справляли. Незнаніе самимъ патріархомъ греческаго языка и осторожность, съ которой Филаретъ дѣйствовалъ при книжномъ исправленіи, объясняютъ намъ причину этого явленія. Унія грековъ съ латинянами, владычество надъ Греціей нечестивыхъ Турокъ, посланное, по мнѣнію Русскихъ, за грѣхи грековъ, все это способствовало тому, что среди русскихъ сложилось противъ грековъ предубѣжденіе не въ ихъ пользу.

Цензура при Филаретѣ была строга. Приведемъ нѣсколько примѣровъ отношенія власти—къ книгѣ. Строго патріархъ отнесся къ извѣстному уже намъ уставу 1610 года, изданному головщикомъ Троице-Сергіевской лавры Логгиномъ. Въ 1633 году была разослана окружная грамота, въ которой приказывалось вездѣ всѣ экземпляры этого устава отбирать и отсылать въ Москву для сожженія, ибо «тѣ уставы печаталъ воръ, бражникъ, Троицко-Сергіева монастыря клирошанинъ, чернецъ Логгинъ, безъ благословенія святѣйшаго Ермогена... и всего священнаго собора, и многія въ тѣхъ уставехъ статьи напечатаны не по апостольскому и не отеческому преданію своимъ самовольствомъ» [2]). Уставы въ большинствѣ были сожжены. Надо отмѣтить, что на дошедшихъ до насъ экземплярахъ этого изданія написано, что книга издана свидѣтельствованіемъ митрополита Гермогена. Насколько справедлива надпись сказать трудно. По этому поводу вспоминается дѣло инока Вассіана, когда въ Кормчей книгѣ, имъ изданной, такъ же имѣ-

---

[1]) Мансвѣтовъ, Прибавл. Твор. Св. от. 1888 г., ч. 32, стр. 522 и др.

[2]) Акты Археогр. Эксп. т. 3, № 228.

ется указаніе на благословеніе митр. Варлаама, а судьи, какъ и въ настоящемъ случаѣ, говорили, что книга издана безъ благословенія власти. Изъ сопоставленія этихъ случаевъ можно сдѣлать два предположенія, разрѣшить которыя можно только послѣ спеціальнаго изученія этихъ вопросовъ. Или въ Россіи въ тѣ времена было за обычай на каждой издаваемой книгѣ писать, что она издается съ благословенія власти, въ данныхъ случаяхъ митрополита или патріарха, при отсутствіи фактическаго разрѣшенія на выпускъ книги, почему судьи и могли говорить Вассіану и Логгину что книгу они издали безъ благословенія; или же судьи, не считаясь съ дѣйствительно даннымъ расрѣшеніемъ на выпускъ книги, въ интересахъ обвиненія даннаго лица и въ цѣляхъ реабилитаціи духовной власти, выпустившей въ прошломъ неисправную книгу, позволяли утверждать, что справщики благословенія на выпускъ не получали.

Не менѣе строго Филаретовская цензура относилась къ книгамъ, написаннымъ литовскими выходцами, которыхъ не долюбливалъ патріархъ. Онъ на соборѣ 1620 года говорилъ: «егда быхъ въ Польскомъ и Литовскомъ государствѣ, многая въ нихъ видѣ не согласія церковная, въ самѣхъ тѣхъ христіанѣхъ, яже суть бѣлорусцы, въ нихъ нарицаются и нарицаются убо христіане, а правила Св. Апостолъ и Св. Отецъ седми вселенскихъ и девяти помѣстныхъ соборовъ и инѣхъ Св. Отецъ преданія, многи въ нихъ не соблюдаютъ» [1]). Когда одинъ изъ западно-русскихъ выходцевъ Зизаній Тустановскій въ 1626 году привезъ въ Москву въ рукописи своего сочиненія «Катехизисъ» и захотѣлъ его напечатать, то рукопись была передана для цензуры Богоявленскому игумену Иліи и Григорію Онисимову. «Генв. въ 1 день Корецково (Зизаній былъ протопопомъ въ Корцѣ) протопопа Лаврентія тетради, ево письмо, каковы взяты изъ посольсково приказу и тетрадь же, какову протопопъ Лаврентій подалъ боярину Ив. Бор. Черкасскому да думному дьяку Ѳедору Лихачеву, дек. 31 день, отнесенныхъ Великому Государю, Святѣйшему Патріарху Филарету Никитичу... Относилъ думной дьякъ Ѳедоръ Лихачевъ, а Великій Государь, святѣйшій патріархъ тѣ тетради, для переводу отдавали Богоявленскому игумену Ильѣ» [2]). Просмотрѣнную и исправленную книгу напечатали, но безъ выходного листа, что свидѣтельствуетъ о недовѣріи къ издаваемой книгѣ. Мало того, объ исправленныхъ статьяхъ были назначены пренія „поговорити съ нимъ (съ Лаврен-

---

[1]) Дѣянія Собора 1620 г.

[2]) Записн. кн. Моск. стола 1626 г. и 1627 г. Рус. Ист. Библ. т. 9, стр. 44.

тіемъ) любовнымъ обычаемъ и смиреніемъ нрава“ [1]). Пренія происходили три раза, но Лаврентій политично не отстаивалъ своихъ взглядовъ, и все, что Московскіе справщики считали за ошибки, признавалъ описками и восхвалялъ премудрость Святѣйшаго патріарха. Это дѣло можетъ служить иллюстраціей предварительной цензуры того времени.

Примѣромъ карательной цензуры можетъ считаться дѣло объ учительномъ Евангеліи Кирилла Транквилліона. Кириллъ въ 1627 году просилъ въ Москвѣ напечатать его Евангеліе. Евангеліе уже было напечатано въ 1619 г. въ Могилевѣ, а въ 1620 г. въ Кіевѣ и въ этихъ изданіяхъ книга пользовалась большимъ спросомъ на Руси. Въ отвѣтъ на просьбу Транквилліона игуменъ Никитскаго монастыря Афанасій доноситъ патріарху, что книга эта уже осуждена Кіевскимъ соборомъ и что книги этой «всякому вѣрному христіанину и въ домѣ держати и чести недостоитъ». Розыскомъ ересей въ книгѣ поручено было заняться Афанасію и цензорамъ: игумену Ильи и Ивану Насѣдкѣ, которые, благодаря своей придирчивости, отыскали ихъ множество. Тогда патріархъ 1 декабря 1627 г. издаетъ указъ, предписывающій всѣ сочиненія Кирилла собрать и сжечь, и впредь не только его, но и сочиненія всѣхъ западныхъ богослововъ не держать. „Въ учительныхъ евангельсѣхъ сыскано и досматривано и приправлено къ древнимъ Св. Отецъ книгамъ, къ Евангельямъ учительнымъ и къ инымъ божественнымъ книгамъ, и въ тѣхъ Кирилловыхъ книгахъ въ его слогѣ сыскались многія ереси и супротивства“, почему и приказывалось „на Москвѣ и во всѣхъ градѣхъ... учительныя Евангелья... и иныя книги его Кириллова слогу собрати и на пажарѣхъ сжечь, чтобъ та ересь и смута въ мірѣ не была“, да сверхъ того, „всякія книги литовской печати переписать и въ Москву отправить, а оттуда вмѣсто нихъ пришлютъ Московскія печати“. „Да заказъ учинити крѣпкой, чтобы никто не утаивалъ этихъ книгъ и впредь не покупалъ..., а сыщется то послѣ мимо ихъ и тѣмъ людемъ быти въ великомъ градскомъ наказаніи... и въ великомъ духовномъ наказаніи и проклятіи“ [2]). Большинство воеводъ ревностно исполняли приказъ; сыскивали и отбирали книги даже у частныхъ лицъ; у Путивльскаго торговаго человѣка Ивашки Коблякова „досматривали“ и отобрали книжку „молитвенникъ“: „литовская, кіев-

---

[1]) Прѣніе Лавр. съ Иліей и Онис. Тихонравовъ. Лѣтоп. рус. лит. и др. 1859 г. нк. 2, стр. 80—100.

[2]) Собр. Гос. гр. и дог. ч. 3, № 77; разряды дворц. 1628 г. стр. 980, т. 1, и акты Моск. Госуд. т. 1, № 201.

ская печать Богоявленскаго монастыря“ [1]). Годъ спустя, 4 декабря 1628 г. въ Москвѣ, „на пажарѣ“, сожгли 60 книгъ, литовской печати, учительныхъ Евангелій Кирилла, „и что слогъ его еретической и составы обличались въ тѣхъ книгахъ, что онъ списалъ въ тѣхъ книгахъ богохульныя и мерзкія слова, а онъ себѣ именовалъ, будто его слогу ангели дивились, и то его еретичество все объявилось, затѣмъ тѣ книги сожжены“ [2]). Книгъ литовской печати послѣ такого преслѣдованія уцѣлѣло немного, и только въ захолустныхъ мѣстахъ они бывали въ употребленіи; такъ напр. въ Великомъ Устюгѣ сохранилось напрестольное евангеліе [3]).

При Іоасафѣ и Іосифѣ подозрительное отношеніе къ западнорусскимъ богословамъ и ихъ произведеніямъ измѣняется къ лучшему. Ближайшее ознакомленіе съ дѣлами южной церкви убѣдило Москву, что большинство юго-западныхъ христіанъ не только остается въ православіи, но даже ведетъ упорную борьбу за него. Поэтому выходцевъ изъ богослововъ юго-западной Руси начинаютъ на Москвѣ принимать съ честью, книги западной печати считать правильными и допускать къ обращенію въ народѣ и церквахъ. Нѣкоторыя книги перепечатываются даже безъ всякихъ исправленій; такъ эпитемейный Номоканонъ, приложенный къ потребнику 1639 года, является простой перепечаткой Кіевскаго изданія; въ 1648 году печатается книга о вѣрѣ, въ 1649 году малый катехизисъ—Петра Могилы. Изданная въ Москвѣ въ 1644 г. Кириллова книга является сборникомъ сочиненій Степана Зизанія, Захарія Копыстенскаго, священника Василія Острожскаго и другихъ юго-западныхъ богослововъ, при чемъ собираетъ и издаетъ эту книгу самъ цензоръ Московскаго печатнаго двора протопопъ Михаилъ Роговъ. Въ 1652 году имѣемъ свѣдѣнія и о томъ, что по книгамъ западной печати даже начинаютъ производить справу; такъ учительное Евангеліе 1652 г. исправлялось, какъ видно изъ послѣсловія, по многимъ спискамъ изъ Успенскаго Собора, Чудова и Симонова монастырей, „къ симъ же инъ Острожскіе печати“ [4]). Наконецъ, и въ числѣ справщиковъ начинаютъ появлятъся западные ученые. Желая исправить библію по греческому тексту ,въ 1649 году, Москва выписываетъ въ справщики изъ Кіева знатоковъ греческаго языка: Арсенія Сатановскаго, Дамаскина Птиц-

---

[1]) Акты Моск. Госуд. т. 1, № 279.
[2]) Разряды дворц. т. 2, стр. 82.
[3]) Боціановскій, Библіографъ 1822 г., № 2, стр, 63—78.
[4]) Опись книгъ Царскаго № 176.

каго и Епифанія Славенецкаго [1]). Ясно, что въ послѣдніе годы патріаршества Іосифа, когда Никонъ, будущій патріархъ, а въ то время митрополитъ Новгородскій, началъ влiять на церковныя дѣла и въ частности на книжную справу, дѣло это пошло уже близко къ той тропѣ, на которую окончательно направилъ ее Никонъ—патріархъ [2]).

Изъ разсмотрѣннаго нами матеріала видно, что въ періодъ патріаршества Филарета, Іоасафа и Іосифа была и предварительная, (дѣло Зизанія) и карательная (дѣло Кирилла Транквилліона) цензура; въ это время справщики (цензора) начинаютъ занимать особое положеніе отъ другихъ служащихъ при типографіи. Справщиковъ контролируетъ Патріархъ и Освященный соборъ. Заканчивая обзоръ цензуры до Никона, не могу не передать случая излишняго, въ силу непониманія причинъ событія, усердія цензоровъ. Дѣло окончилось кровавой расправой надъ человѣкомъ ненормальнымъ. Въ Москвѣ жилъ ясновидящій Кульманъ у иностранца Нордермана. Кульманъ написалъ книгу о новомъ пришествіи на землю Христа, въ качествѣ Великаго Пророка. Желая напечатать книгу, Кульманъ передалъ ее завѣдывающему типографіей, но послѣдній отказалъ въ напечатаніи безъ патріаршаго благословенія. Книгу доставили патріарху. По просмотрѣ книга была признана еретической и Кульманъ, и его хозяинъ Нордерманъ (послѣдній неизвѣстно за что) были сожжены [3]).

Гораздо больше своихъ предшественниковъ въ дѣлѣ исправленія и цензуры сдѣлалъ патріархъ Никонъ. Къ его времени даже самые рьяные ревнители стараго благочестія, какъ Стефанъ Вонифатьевъ и др., стали признавать необходимость исправленія книгъ. Только они считали, что книги наши не такъ испорчены, какъ говорятъ сторонники исправленія; вѣдь по этимъ, испорченнымъ, книгамъ спасались Московскіе святители. Очевидно, что для исправленія нѣкоторыхъ описокъ достаточно сличить книгу съ прежними, древне-славянскими списками, и описка обнаружится. Такимъ образомъ, прежніе противники книжной справы, теперь признавали нужнымъ исправлять книги по способу до-Филаретовскому, не допуская мысли, что книги надо исправлять по греческимъ образцамъ, такъ какъ грековъ они считали не православными, въ виду покоренія турками. Не производили на нихъ ни-

---

[1]) Малорос. дѣла св. 4, 1650 г., № 8.

[2]) Христ. Чтеніе 1891 г. т. 1, стр. 174-175.

[3]) Чтен. Моск. Общ. ист. и др. 1871 г., кн. 3, стр. 187. Религ. бытъ Русскихъ по свид. иностр.

какого впечатлѣнія и разсказы Арсенія Суханова, въ его Проскинитаріи. о томъ, что на Аѳонѣ греческіе пустынники сожгли книги Московской печати и даже хотѣли сжечь самаго Арсенія. О книгахъ греческихъ говорили такъ: „имѣютъ папежи и лютери греческую печать, и печатаютъ по всядневно богословныя книги Св. Отецъ и въ тѣхъ книгахъ вмѣтаютъ лютое зѣліе-поганую свою ересь“ [1]). Боясь общественнаго возмущенія, помня, какъ печально не разъ кончалось дѣло исправленія раньше, Никонъ, несмотря на свое высокое положеніе, не сразу приступаетъ къ коренному исправленію книгъ. При немъ полтора года книги издаются безъ особыхъ перемѣнъ, съ одной мольбой о прощеніи за ошибки, но самъ патріархъ все это время „упразднися отъ всѣхъ и вложися въ трудъ, еже бы Св. писаніе разсмотрити, и входя въ книгохранительницу, со многимъ трудомъ, много дни въ разсмотрѣніи положи“ [2]). И Никонъ нашелъ въ книгахъ очень важныя несходства, а пріѣхавшій изъ Греціи Арсеній Сухановъ еще болѣе убѣдилъ патріарха въ необходимости радикальнаго исправленія книгъ. Помня, что отъ него, какъ патріарха, требуется „потреблять всякую новизну въ оградѣ церкви“ [3]), Никонъ, какъ человѣкъ съ желѣзной волей, пошелъ прямо, рѣшительно, безъ всякихъ уступокъ и компромиссовъ партіи, противящейся исправленію книгъ по греческимъ образцамъ. Въ 1654 году онъ созываетъ соборъ, у котораго спрашиваетъ: „новымъ ли нашимъ печатнымъ служебникамъ послѣдовать, или греческимъ и нашимъ старымъ, которые купно обои единъ чинъ и уставъ показуютъ. Подъ давленіемъ патріарха, всѣ члены Собора единогласно отвѣчали: „достойно и праведно исправити противно старыхъ — харатейныхъ и греческихъ“. Несмотря на то, что при своемъ избраніи въ патріархи Никонъ получилъ право управлять церковью по своему усмотрѣнію, онъ все таки не рѣшается произвести коренную ломку безъ соборнаго постановленія. Но и по полученіи согласія собора, Никонъ не начинаетъ дѣла, а желаетъ слышать мнѣнія Восточныхъ патріарховъ. По письму Никона, въ Константинополѣ, въ 1655 году, патріархъ Паисій созываетъ соборъ, который высказываетъ одобреніе постановленіямъ русскаго собора 1654 года. Одновременно съ запросомъ къ патріархамъ, стали выписывать въ Москву изъ разныхъ монастырей древнія книги. Арсеній Сухановъ доставилъ до 200 экземпляровъ изъ Греціи; многіе были глубокой древности. По-

---

[1]) Чтен. Общ. люб. дух. просвѣщ. 1881 г. кн. 7.

[2]) Предисл. къ служебнику. изд. 1655 г.

[3]) Грамота объ учрежд. въ Рос. парт. 1593 г.

дыскиваютъ людей, хорошо знающихъ греческій языкъ. Выборъ патріарха остановился на Арсеніи Сухановѣ, Епифаніи Славянецкомъ, архимандритѣ греческаго монастыря Діонисіи и старцѣ Арсеніи Грекѣ. Для большаго удобства, и по свойственному Никону стремленію во всемъ освободить духовную власть изъ-подъ вліянія свѣтской, Никонъ добивается передачи въ 1654 г. типографіи изъ вѣдѣнія Приказа Большого Двора въ его полное и непосредственное завѣдываніе [1]). Много помогли Никону прибывшіе въ Москву въ 1655 году патріархи: Макарій — Антіохійскій и Гавріилъ—Сербскій, при которыхъ состоялся въ мартѣ 1655 года новый соборъ, подтвердившій постановленія собора 1654 года и признавшій необходимымъ въ первую очередь исправить служебникъ, «во всемъ справа и согласну сотворя древнимъ греческимъ и словенскимъ книгамъ» [2]). Служебникъ вышелъ изъ печати въ августѣ 1655 г., но Никонъ въ обращеніе его до соборнаго одобренія не выпустилъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ дѣлѣ цензуры Никонъ не измѣнилъ существовавшаго до него порядка; только книга теперь выпускается по одобреніи ея не однимъ патріархомъ, а цѣлымъ соборомъ. Справщиковъ же Никонъ назначалъ и смѣщалъ самъ, безъ соборнаго опредѣленія [3]).

У Никона, какъ опредѣленной личности, и Никона, какъ реформатора въ церковныхъ дѣлахъ, была масса недоброжелателей. Они добились того, что обвинили Никона въ ереси, не приняли исправленныхъ имъ книгъ и съ частью населенія отдѣлились отъ церкви. Произошелъ расколъ. Во многихъ мѣстахъ дѣло доходило до рукопашныхъ схватокъ; особенно въ монастыряхъ: Соловецкомъ, Ниловой пустыни. Въ послѣдней старцы избили священника, желавшаго служить по новымъ книгамъ: «пономарь Корнилій, имѣя въ рукахъ кадило со угліемъ разженнымъ, удари попа по главѣ, и разби кадило о попову главу», у священника нашлись защитники и загорѣлся рукопашный бой и «дотолѣ между собою біяхуся, яко и помосту церковному обагритися» [4]).

Соборъ 1666-67 годовъ одобрилъ исправленія Никона и высказалъ осужденіе его противникамъ, «испытовахомъ подробну, чрезъ многое время новоисправленныя и новопреводныя печатныя книги, и старыя харатейныя, словянско-россійскія рукописи... и

---

[1]) Румянцевъ. Др. здан. Моск. печ. двора, стр. 33, прим. 69.
[2]) Дополн. къ описи кн. Строева № 89.
[3]) Николаевскій. Христ. Чт. 1891 г. т. 2, стр. 151—186.
[4]) Макарій. Ист. рус. церкв. т. 12, стр. 174.

ничтоже стропотно, или развращенно, или вѣрѣ нашей православной противно... обрѣтохомъ». Соборъ одобрилъ новоисправленный служебникъ, книгу «скрыжаль», «жезлъ правленія», эпистолію Паисія; призналъ нѣкоторыя постановленія Стоглаваго Собора (напр. о двуперстіи, о сугубой аллилуи) написанными: «неразумно и невѣжествомъ»; осудилъ сочиненіе Дмитрія Толмача о бѣломъ клобукѣ, „зане лживо и неправо есть“; запретилъ вообще печатать что-либо о двуперстномъ крестосложеніи: „напечатася невѣжествомъ и неразсудно въ книзѣ Псалтырѣ со возслѣдованіемъ и во инѣхъ о сложеніи перстовъ... не пріимати сіе и никто же отнынѣ сему писанію да вѣруетъ, ниже да держитъ, но искоренити повелѣваемъ отъ таковыхъ печатныхъ и писменныхъ книгъ“. Этимъ же соборомъ Аввакумъ, Никита и др. противники православія были осуждены [1]).

При послѣднихъ патріархахъ справа велась, такъ же какъ и при Никонѣ, т. е. по греческому тексту. Но въ это время появляется новый видъ цензурной организаціи, кромѣ правильни при типографіи. Я разумѣю ректора съ профессорами Славяно-Греко-Латинской Академіи, которые, по уставу Академіи, были обязаны наблюдать, чтобы никто не читалъ и не имѣлъ у себя волшебныхъ, гадательныхъ и богохульныхъ книгъ, а люди малообразованные, не учившіеся „свободнымъ“ наукамъ не должны были имѣть у себя вообще никакихъ книгъ на латинскомъ, нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ: „лютеранскихъ и кальвинскихъ“ [2]). По доносу ректора Академіи сожигается сочиненіе Сильвестра Медвѣдева „Манна“, и авторъ оканчиваетъ жизнь на плахѣ по приговору суда. Вообще о цензурѣ временъ царя Алексѣя Михайловича можно сказать словами Котошихина, что въ Разбойномъ приказѣ «жгли живого за богохульство..., за волховство, за чернокнижіе, за книжное преложеніе, кто учнетъ вновь толковать воровски противъ апостоловъ, пророковъ и св. отецъ съ похуленіемъ» [3]).

При Алексѣѣ Михайловичѣ въ Варшавѣ былъ заключенъ съ польскими дворянами договоръ „о истребленіи печатныхъ предосудительныхъ для Россіи книгъ: „всѣ тѣ, въ которыхъ мѣстностяхъ книги печатны и ихъ слагатели, такожъ печатники или друкари, смертью казнены и книги собравъ сожжены были и впредь, чтобы крѣпкій заказъ былъ безчестныхъ воровскихъ книгъ нико-

---

[1]) Дополн. къ акт. Истор. т. 5, № 102.
[2]) Древн. рос. вивліофика, изд. 2, 1788 г., ч. 6, стр. 415—417.
[3]) Котошихинъ, Соч. гл 7, стр. 95.

му съ нашихъ королевскаго величества подданныхъ нигдѣ не печатати подъ страхомъ смертной казни“ [1]).

Нельзя обойти молчаніемъ отношенія Московскихъ патріарховъ послѣ Никона къ книгамъ, издаваемымъ въ Кіевской митрополіи. Видно опредѣленное стремленіе подчинить себѣ въ этомъ отношеніи южныя типографіи. Такъ, по поводу напечатанной въ типографіи Кіево-печерской лавры книги: „выкладъ о вѣрѣ“, патріархъ Іоакимъ въ 1688 году пишетъ, что въ означенной книгѣ находятся ереси Флорентійскаго собора и считаетъ, что „чуждо сущо подъ именемъ благочестія хранителей сыновъ искреннихъ св. престола Константинопольскаго патріарха селенскаго жителей св. великіе лавры Кіево-печерскіе тетради, печатныя явленно, яко у враговъ св. церкве матере нашей іисуитовъ, како бо имѣли бы сынове суще православніи и по благочестію поборницы монаси печерсти, противность таковую матере своей церкви восточной издати“ [2]). Или, когда архимандритъ лавры Варлаамъ Ясинскій донесъ Іоакиму о напечатаніи въ лаврской типографіи первой книги Четьихъ Миней Дмитрія Ростовскаго, то патріархъ дѣлаетъ ему выговоръ за самовольное печатаніе: „мы посылали, согласно Вашей просьбѣ житіе св. на преписаніе, и чтобы Вы, списавъ, прислали бы намъ ихъ для исправленія и благословенія, а Вы прямо... напечатали, да еще съ прилогами“, да кромѣ того, напечатали книгу: „вѣнецъ Христовъ“ и говорите, что издана „съ нашего... благословенія“, а мы не только не благословляемъ, „но и запрещеніе наложихомъ, дондеже разсмотримъ ю соборне“, а пока повелѣваемъ: „сотворити вамъ соблазна сего изъ книгъ истребленіе и народомъ православнымъ объявити письменно погрѣшеніе, недосмотромъ случившееся“. „А впредь бы Вамъ каковы книги, малы или велики, новосочиненныя случится печатати первѣе къ намъ объявити и написавъ присылати, мы, разсмотря, и благословеніе подаримъ на подобающіе“ [3]). Когда въ Кіевѣ напечатали безъ предварительной Московской цензуры литургію въ малую тетрадь, патріархъ Адріанъ опять напоминаетъ архимандриту объ обязанности представлять книгу для цензуры въ Москву прежде напечатанія. Тогда архимандритъ Милетій Вуяхевичъ проситъ, чтобы въ лаврѣ была учреждена собственная цензура, такъ какъ у нихъ есть „благо и искусны въ св. писаніи чсстные іеромонахи въ опасное назираніе и въ созиданіе изрядства въ печатномъ ти-

---

[1]) Пол. Собр. Зак. т. I.

[2]) Акты юг.-зап. Руси, 1871 г., т. 5, № 74.

[3]) Акты юг.-зап. Руси, т. 5, № 78 и 79—1689 г.

сненіи книгъ", и что старцы эти „сами чтутъ и исправляютъ", а потомъ „всякъ листъ на соборъ приносятъ и предъ всѣми соборными чтутъ" [1]. Только послѣ такого ходатайства Кіево-печерская лавра получаетъ право имѣть собственную цензуру и выпускать книги безъ предварительной Московской цензуры [2]. За Москвой же остается карательная цензура и часто между Москвой и Кіевомъ возникаютъ переписки о вновь изданныхъ въ Кіевѣ книгахъ [3].

Что касается цензуры свѣтскихъ книгъ, то она носила исключительно карательный характеръ. Духовенство не позволяло печатать въ принадлежащихъ ему, фактически, типографіяхъ книгъ свѣтскаго содержанія, за малыми исключеніями, а потому правильна (тогдашняя предварительная цензура) свѣтскихъ сочиненій просматривать прежде ихъ выхода въ свѣтъ не имѣла возможности. Въ виду того, что на Руси, такимъ образомъ, книгу съ свѣтскимъ содержаніемъ напечатать было негдѣ, а за границей далеко, свѣтская книга вплоть до учрежденія Петромъ I гражданской типографіи распространяется почти исключительно въ рукописяхъ. Очень незначительное количество книгъ, напечатанныхъ въ южной Руси и за границей, проникало къ намъ, тѣмъ болѣе, что провозъ книгъ изъ-за границы, какъ мы сказали выше, былъ предусмотрѣнъ даже международнымъ договоромъ. Главнымъ образомъ, книга свѣтскаго характера въ разсматриваемый періодъ была рукописная, а не печатная, и благодаря этому подъ дѣйствіе предварительной цензуры не попадала. Офиціальная, такъ сказать, книга создавалась казенною машиною подъ присмотромъ довѣренныхъ лицъ изъ духовенства, частная, свѣтская книга—ручною работою вольныхъ промышленниковъ. Печатный станокъ служитъ правительству, переписчикъ-кустарь—обществу. Рукопись пользовалась еще такимъ правомъ гражданства, что даже «куранты», выписки изъ иностранныхъ газетъ, переводимыя для царя и важнѣйшихъ сановниковъ, были писанными. Свѣтская литература, большею частью состоявшая изъ книгъ, обличающихъ властей и духовенство, изъ памфлетовъ, гадательныхъ и волшебныхъ сборниковъ, заставила духовную власть обратить на нее вниманіе и это послужило однимъ изъ главныхъ поводовъ къ предоставленію ректору и профессорамъ Славяно-греко-латинской Академіи цензорныхъ правъ. Когда какая-либо рукопись вызывала особенный интересъ въ об-

---

[1] Акты юг.-зап. Руси, т. 5, № 113 и 124.
[2] Акты юг.-зап. Руси, т. 5, № 127—1693 г.
[3] Акты юг.-зап. Руси, т. 5, №№; 132, 133, 135, 160, 161 и др.

ществѣ, ходя по рукамъ во множествѣ списковъ, ее просматривали эти ученые цензора, и если рукопись почему-либо казалась для обращенія неудобной, всѣ списки по возможности отбирались и сожигались, а лица, списывавшія, распространявшія и хранившія подвергались допросу съ цѣлью узнать автора книги. Потомъ всѣ получали наказаніе, авторъ же больше всѣхъ; въ большинствѣ случаевъ—смерть. При такихъ розыскахъ очень видную роль игралъ доносъ.

Запрещая книги съ неправославными взглядами, книги, подрывающія престижъ свѣтской и духовной власти, тогдашняя цензура долгое время не обращала вниманія на книги, а еще больше на картины, оскорбляющія стыдливое чувство читателя и зрителя. Только при патріархѣ Іоакимѣ, въ 1674 году, былъ изданъ указъ, воспрещающій печатаніе и продажу листовъ, на коихъ „всякія невѣжды рѣжутъ на доскахъ и печатаютъ на бумагу развращенно иконы Спасителя, Богородицы и Святыхъ; другіе же покупаютъ такіе печатные листы, дѣланные Лютерами и Кальвинами на подобіе лицъ своея страны“, подъ страхомъ жестокаго наказанія, и предписывающій самые листы отбирать и истреблять. Но указъ этотъ не осуществлялся. Мастера, серебренники и граверы рѣзали свои доски, печатали и продавали картины никого не спрашиваясь. Кромѣ того, картины вывозились большими партіями изъ-за границы, и наши таможни, надо заключать по громадному количеству обращавшихся въ публикѣ иностраннаго изданія картинъ, пропускали контрабанду, по преимуществу французскаго жанра, безъ особыхъ препятствій. Къ вывезеннымъ изъ-за границы картинкамъ, русскіе подписывали свои стихи [1]).

Чтобы показать сколь нетребовательна была цензура того времени къ картинамъ, приведу описаніе нѣкоторыхъ изъ сборниковъ Ровинскаго. Вотъ картинка, изображающая охотника и пастушку въ французскихъ костюмахъ, послѣдняя говоритъ: «я съ малыхъ лѣтъ привычки сей держуся, безъ денегъ ни съ какимъ красавцемъ не люблюся, а для прибытка я со всѣми не дика, за деньги я любить готова хоть быка» [2]), или картинка: «семь бабъ про штаны дерутца, а что въ нихъ, до тово не доберутца», дальнѣйшую надпись, въ виду полнаго ея неприличія, опускаю [3]). Еще Тарасъ плѣшивый, которому три молодицы совѣтуютъ для нарощенія на головѣ волосъ смачивать плѣшь женскою «уливою», на

---

[1]) Ровинскій, Рус. нар. карт., кн. 2.
[2]) Ровинскій, кн. 1, стр. 93, № 114.
[3]) Ровинскій, кн. 1, стр. 59, № 85—2.

что Тарасъ остроумно отвѣчаетъ, показывая соотвѣтствующее отвѣту: «се уже сорокъ лѣтъ сію плѣшь уливою женскою полощу, а волосовъ на ней не нарощу» [1]). Послѣдній примѣръ: картинка изображаетъ помѣху въ любви нѣкоему господину, расположившемуся забавлять свою даму, каковая забава была прервана нахаломъ, постучавшимся въ окно; на картинкѣ изображена дама, упавшая со стула съ обнаженными и поднятыми въ верхъ ногами, а господинъ безъ брюкъ [2]). Бывали картины и подписи еще неприличнѣй. И цензора изъ Академіи этого, дѣйствительно подлежащаго преслѣдованію, не замѣчали и оставляли въ обращеніи среди народа.

Заканчивая настоящее изслѣдованіе, мы можемъ сказать, что и въ разсмотрѣнномъ періодѣ времени цензуры, какъ самостоятельнаго института, дѣйствующаго по строго опредѣленному регламенту или уставу, не было. Можно наблюдать лишь отдѣльные случаи въ цѣляхъ религіозныхъ или государственныхъ исправленія книгъ, носящіе характеръ предварительной и послѣдующей цензуры. Въ виду такого положенія цензуры и вся исторія этого періода для изслѣдователя является состоящей изъ отдѣльныхъ эпизодовъ, при чемъ часто приходится усматривать воздѣйствія цензурнаго характера на книгу тамъ, гдѣ этого не предполагали и сами лица, осуществлявшія въ жизни ту или иную мѣру, указанную властью. Только для позднѣйшаго изслѣдователя, по признакамъ формальнымъ, становится ясна та тенденція, которую преслѣдовали, но не могли ясно формулировать, власти того времени. Этимъ и объясняется, что настоящая работа состоитъ лишь изъ фактическаго изложенія, и авторъ только иногда имѣетъ возможность и смѣлость давать то, или иное освѣщеніе описываемымъ фактамъ.

Другая трудность, которая предстала предъ авторомъ настоящаго изслѣдоваія, это то обстоятельство, что матеріалъ по исторіи цензуры допетровской эпохи до сего времени еще никѣмъ не разсмотрѣнъ и не систематизированъ. Въ печати до сего времени нѣтъ ни одного изслѣдованія цензуры за указанный періодъ. Посему, автору пришлось самому собирать матеріалы изъ первоисточниковъ, самому приводить все собранное въ систему, самому давать оцѣнку событіямъ.

---

[1]) Ровинскій, кн. 1, стр. 282, № 19.
[2]) Ровинскій, кн. 1, №№: 236 и 237.

Гораздо было бы легче, если бы по данному вопросу были чьи-либо изслѣдованія, разобранныя компетентными лицами. Тогда бы у автора были бы отправныя точки; онъ могъ бы соглашаться или не соглашаться съ опредѣленнымъ воззрѣніемъ, но, во всякомъ случаѣ, имѣлъ бы въ виду признанную наукой точку зрѣнія и ему не пришлось бы впервые давать оцѣнку историческимъ событіямъ такой важности за столь продолжительный періодъ времени. Всѣ эти трудности послужили причиной, что настоящее изслѣдованіе представляетъ изъ себя лишь попытку систематизировать найденные матеріалы и не даетъ полнаго освѣщенія эпохи. Авторъ надѣется, что компетентныя лица, прочитавшія эту брошюру, дадутъ ей оцѣнку, укажутъ на всѣ недостатки, объяснятъ сдѣланныя невольно ошибки, и тогда, на основаніи такой критики, авторъ постарается пересмотрѣть имѣющійся у него матеріалъ и приступить къ болѣе обширному изслѣдованію даннаго вопроса.

Тип. Т-ва Рябушинскихъ. Москва